

На правах рукописи

Коптева Наталия Васильевна

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ УВЕРЕННОСТЬ:
ПОНЯТИЕ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ**

Специальность 19.00.01 – Общая психология, психология личности,
история психологии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Екатеринбург 2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Научный консультант – доктор психологических наук,
профессор Волочков Андрей Александрович

Официальные оппоненты:

Левченко Елена Васильевна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», зав. кафедрой общей и клинической психологии;

Пивоваров Даниил Валентинович, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина», зав. кафедрой религиоведения;

Сапогова Елена Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет», зав. кафедрой психологии.

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Защита состоится 02 июля 2013 г. в 11.00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.19 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комната 248

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат педагогических наук,
доцент

Попова Лариса Григорьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В условиях перехода к постиндустриальной цивилизации, информационному обществу, когда интеграционные процессы «стягивают» пространство существования человека до планетарных масштабов, выражение «человек в мире» из метафоры превращается в простую констатацию факта. В противоположность безличным силам, управляющим экономикой и социальной жизнью человека, отчуждающим его от собственного труда, от близких, от самого себя, весомым фактором в экономике становится «человеческий капитал», предполагающий способность людей испытывать доверие, оказывать друг другу поддержку, а в жизни государства – объединяемое нравственными устоями гражданское общество. Человек все более проявляет себя как мера всех вещей, обнаруживает присущие ему экзистенциальные характеристики, к числу которых принадлежит и онтологическая уверенность. Отношение онтологической уверенности к психологическому здоровью выводит ее исследование в круг приоритетных направлений психологии.

Состояние разработанности проблемы исследования. В книге «Расколотое "Я"» («The Divided Self. An existential study on sanity and madness», 1957) британским экзистенциальным психиатром Р. Лэйнгом¹ (Лэнг, 1995; Laing, 1965) во всей полноте развернута феноменология онтологической неуверенности (*ontological insecurity*), соответствующая переходу от шизоидного способа бытия-в-мире к психотическому шизофреническому. Во времена, когда состояние проблематики психологического здоровья характеризовалось как неизвестность и полная темнота, в которой остается брести на ощупь (Маслоу, 1999, с. 219), в качестве позитивного полюса изучаемого континуума им была обозначена онтологическая уверенность (*ontological security*), намечен в основных чертах продуктивный подход к психологическому здоровью, отличающийся от современных известных моделей. О значении общепсихологической проблематики онтологической уверенности – неуверенности, которая выходила за рамки его собственного предмета исследования, может свидетельствовать следующее высказывание автора: «Вообще говоря, очевидно, что обсуждаемое здесь нами с клинической точки зрения является лишь небольшим примером чего-то, во что глубоко вовлечена человеческая природа и во что мы можем привнести лишь частичное понимание» (Лэнг, 1995, с. 35).

В отечественной науке, в немногочисленных, различных по характеру работах, посвященных экзистенциальной психологии (А.М. Руткевич, 1985; В.М. Лейбин, 2009; Ю.В. Тихонравов, 1998), более или менее подробно обсуждается творчество Р. Лэйнга, роль в движении антипсихиатрии, с которым он некоторое время был связан (Е.Н. Косилова, 2000, 2002; О.А. Власова, 2006; Н.Г. Валентурова, О.А. Матвейчев, 2004). Этот короткий список могут пополнить статья А.И. Пашинского (1989) о вкладе Р. Лэйнга в проблематику «несчастливого сознания» и предисловие к переводу одной из его книг А. Фенько

¹ Существует несколько вариантов перевода фамилии на русский язык: книги автора публиковались под именами Лэнг, Лэйнг (второй вариант более распространен).

(2000). Большинство из перечисленных критиков – философы, которые, как правило, не обходят вниманием концепцию онтологической неуверенности, однако ею и ограничиваются. В недавно изданной первой русскоязычной биографии Лэйнга [Власова, 2012], выполненной в рамках проекта «Социальная теория и социальная практика антипсихиатрии», задействован значительный массив источников на английском языке. Отечественная исследовательская литература представлена десятью работами, в основном имеющими отношение к предмету проекта.

Высокая оценка «Расколотого "Я"» позволяет отнести Р. Лэйнга к числу наиболее известных теоретиков экзистенциального психоанализа (Руткевич, 1985) и даже ставить по самобытности взглядов выше их (Власова, 2006). Блестящее описание в книге внутреннего мира душевнобольных по уровню понимания природы шизофрении сопоставляют с фрейдовской теорией истерии (Фенько, 2005). На Западе книгу определяют как одно из наиболее «солидных» произведений автора и одновременно как бестселлер (Clarke, 1999, p. 316, 318), благодаря которому он прослыл человеком, постигшим безумие (Reed, 2009, p. 17). В «Истории шизофрении» Ж. Гараббе (2000) целый раздел отведен концепции онтологической неуверенности; в исследовании шизоидных явлений Г. Гантрип (2010) обращается к ней, ставя в один ряд с учениями М. Кляйн, Д.В. Винникотта и др. Впрочем, Э. Фуллер Тори ограничивается замечанием о теории Р. Лэйнга как «самой любопытной и странной из теорий» шизофрении (1996). На наш взгляд, существенным достоинством концепции онтологической неуверенности является ее общепсихологический потенциал, до сих пор остающийся нераскрытым.

В западной литературе о Р. Лэйнге существенное место занимают жанры биографии и воспоминаний, чему в немалой степени способствует неоднозначность его личности, профессиональной идентичности и жизненного пути, являющихся поистине «находкой для биографа» (Adrian Laing, 1994; D. Burston, 1996; J. Clay, 1997; Z. Kotowicz, 1997; B. Mullan, 1999; Ф. Капра, 1996; L. Redler, S. Gans, B. Mullan, 2001; J. Berke, 2001; Ф. Дженер, 2007). При разной мере интереса собственно к работам Р. Лэйнга дальше их анализа авторы не идут. О.А. Власова отмечает, что англоязычные исследования о нем, несмотря на огромный фактический и аналитический материал, объединяет однообразие, дефицит концептуальных обобщений [Власова, 2006, с. 12–13]. Статьи последнего времени, посвященные Р. Лэйнгу, часто характеризует сочетание внимания к его личности, карьере, фактам биографии, иногда скандальным, и его исследованиям, в основном не в пользу последних (L. Clarke, 1999; S. Bortle, 2001; T. Szasz, 2008; A. Reed, 2009; D. Burston, 2004, 2009). Критику представляют: академический психолог, юнгианский аналитик, психиатры, являющиеся сторонниками антипсихиатрии и занимающие по отношению к ней более взвешенную позицию. Раздаются призывы к переоценке в более позитивном плане его творчества, но опять-таки с точки зрения вклада в преодоление редуционизма традиционной дегуманизированной психиатрии (Reed, 2009). Нам, однако, не встретилось упоминаний о его идее онтологической уверенности как заслуживающей специального исследования.

Таким образом, как отечественные, так и западные критики остаются в рамках клинического аспекта проблематики онтологической неуверенности, заданных в исследовании Р. Лэйнга.

При отсутствии дальнейших разработок, относящихся к онтологической уверенности как альтернативе онтологической неуверенности, пролить свет на то, что она собой представляет, помимо немногого, сообщаемого автором, мог бы позволить классический ход исследования, образец которого дал З. Фрейд: изучение патологии в общепсихологических целях. В своей знаменитой метафоре он сравнил психически больных людей с расколотыми кристаллами, обнаруживающими кристаллическую решетку, невидимую в обычном состоянии относительного психического здоровья (Фрейд, 1989, с. 335–336). Название книги, посвященной онтологической неуверенности, можно понять как намек на приведенный известный образ². Реконструкцию понятия онтологической уверенности на основе его антипода существенно затрудняет исследовательская позиция автора, который ставил перед собой чисто описательную задачу и сознательно сводил к минимуму теорию. Все же, несмотря на пристрастие к феноменологии, на наш взгляд, его отличает безупречная логика, соответствующая классическим канонам построения теории, представленная в работе преимущественно скрытым течением мысли, организующей клинический материал, и лишь временами при обсуждении конкретных случаев выступающая на поверхность.

Специально следует оговорить использование в настоящей работе для обозначения изучаемого феномена термина «онтологическая уверенность». Выражению *ontological security*, возможно, более соответствует встречающийся в русскоязычной критике перевод «онтологическая безопасность» (А.М. Руткевич, Е.В. Косилова, О.А. Власова и др.). Однако наряду с приведенным термином, которым автор преимущественно именуется феномен, в оригинале в качестве синонима Р. Лэйнг неоднократно употребляет *certainty* («определенность», «уверенность»). Возможно, это обстоятельство послужило основанием предпочтения выражения «онтологическая уверенность» в русской версии книги (Лэйнг, 1995)³. Аргументом в пользу перевода, производного от слова «вера», может служить то, что альтернативой экзистенциальной тревоги, с которой отождествляют онтологическую неуверенность (Руткевич, 1985), можно считать раннее теологическое понятие веры С. Кьеркегора (Мадди, 2005). Есть еще ряд доводов, которыми мы руководствовались при выборе русского эквивалента: выраженная активная смысловая составляющая слова «уверенность», занятость термина «психологическая безопасность», неизбежная путаница понятий при использовании в русском языке словосочетаний «онтологически безопасная» и, тем более, «онтологически небезопасная» личность.

Более существенным является вопрос относительно эпитета, который содержит термин, не вполне корректного с философской точки зрения. Вызывая

² Есть мнение, что название книги отсылает к одноименной восьмой главе работы Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта» [Власова, 2012].

³ Перевод значителен как осуществленный издательством.

ассоциации с бытием как таковым (греч. *on, ontos* – сущее), он на самом деле подразумевает экзистенцию (от лат. *existo* – существую), ограниченное, конечное личностное бытие-в-мире, являющееся, по выражению М. Хайдеггера, лишь «просветом бытия» как сущего. Оговоримся, однако, что подобная вольность в обращении с понятием «онтология» и его производными характеризует не только Р. Лэйнга, но и других экзистенциальных психологов.

В обыденном представлении с понятием «уверенность» соотносится в первую очередь уверенность в себе. В научной психологической традиции помимо уверенности в себе (*self confidence*) как элемента самоотношения или самостоятельного социально-психологического феномена (В.В. Столин, 1983, 1987; С.Р. Пантлеев, 1991; В.Г. Ромек, 1997, 2008; Т.Н. Савченко, Г.М. Головина, 2006) исследуется также уверенность человека в правильности суждений (*confidence*) (Скотникова, 2002). Понятие «онтологическая уверенность» подразумевает нечто большее – переживание человеком уверенности в своем бытии, от которой является производной любая уверенность (Лэнг, 1995, с. 36).

Онтологическую уверенность сближают с категориями *самосознания, Я, Я-концепции, идентичности* тенденция последних к расширению, вплоть до совпадения по смыслу с сознанием (У. Джемс, 1991; Ч. Кули, 1994; С.Л. Франк, 1995; Д. Левинджер, И. Польстер, 1999; А.Ш. Тхостов, 2005; С.К. Нартова-Бочавер, 2008), современное его понимание в качестве бытийствующего (М. Мамардашвили, В.П. Зинченко, Д.А. Леонтьев). Понятие онтологической уверенности может быть соотнесено также с направлением психологии безопасности, определяющим ее через субъективную картину мира, защищенность, переживание, состояние сознания (Т.В. Эксакусто, Н.А. Лызь, 2010), к которому можно причислить известное исследование Р. Янофф-Бульман базисных представлений, «здорового чувства безопасности» (R. Janoff-Bulman, 1989; М.А. Падун, А.В. Котельникова, 2008, 2012). Отметим, однако, значительные различия в подходах к разработке соответствующей проблематики. Ближе в этом отношении к оппозиции «онтологическая уверенность – неуверенность» классические психоаналитические оппозиции, целый ряд которых (доверие – недоверие, автономия – стыд, сомнения, идентичность – диффузия идентичности и т.д.) представлен в концепции Э. Эриксона, а также собственно экзистенциальные аналоги, к которым можно отнести богатство (силу) – слабость (Л. Бинсвангер), осознание (переживание) человеком небезопасности своего существования – самоутверждение и установление связей с людьми и миром (Э. Фромм), силу – невинность (Р. Мэй), осмысленность жизни – смыслоутрату (В. Франкл). В качестве понятийных соответствий негативного и позитивного полюсов обсуждаемой оппозиции по отдельности можно рассматривать экзистенциальную тревогу (Р. Мэй) и мужество быть (П. Тиллих), операционализированное С. Мадди в конструкте жизнестойкости. Все же общепсихологическая часть континуума «онтологическая уверенность – неуверенность» не может быть описана приведенными родственными понятиями с исчерпывающей полнотой и требует отдельного исследования.

Вышеизложенное позволяет выделить в качестве **ведущего противоречия** между исследованием клинической и общепсихологической частей кон-

тинуума «онтологическая неуверенность – уверенность», при том, что последняя соотносится с психологическим здоровьем и предполагает его оригинальную трактовку. Возникающие на основе ведущего противоречия научно-исследовательские проблемы можно сформулировать следующим образом:

1. Фрагментарность экзистенциально-феноменологической формулировки оппозиции понятий «онтологическая уверенность – неуверенность».
2. Схематичность понятия «онтологическая уверенность». Отсутствие валидных способов исследования онтологической уверенности и, соответственно, эмпирических данных о ней.
3. Отсутствие исследований, систематизирующих оппозицию «онтологическая уверенность – неуверенность» среди известных в психологии понятий, концепций, эмпирических конструкторов.

Цель исследования состоит в теоретической разработке и эмпирической проверке нового для отечественной психологии понятия «онтологическая уверенность».

Объект исследования: уверенность как экзистенциально психологический феномен.

Предмет исследования: «общее чувство» уверенности в своем бытии-в-мире, производные от него частные переживания, образуемая ими система, уровни, типология онтологической уверенности.

Теоретическая гипотеза: онтологическая уверенность как «общее чувство» сопутствует взаимосвязанным экзистенциальным положениям

- воплощенности (ментального *Я* в теле), целостности *Я*, вовлеченности в действия, поступки, общение, и
- уверенности, основания которой составляют надежность

структурирования бытия-в-мире, конституирующих его элементов (ментальное *Я*, тело, другие люди, мир), отделенность (автономия) и одновременно связанность *Я* и не-*Я*.

Теоретическая гипотеза может быть конкретизирована в трех группах **частных** исследовательских гипотез.

Первая группа гипотез относится к структуре онтологической уверенности и разрабатываемому исследовательскому инструментарию:

1) производные от уверенности как исходного чувства экзистенции переживания представляют собой систему, включающую:

– уровень более дифференцированных переживаний человеком собственной автономии и одновременно связанности с другими людьми и миром,

– уровень менее дифференцированных базовых переживаний ценностного характера, отправной точкой которых служит переживание человеком собственного воплощенного *Я*; не являясь специфическими для элементов бытия-в-мире, они придают последним смысл бытийных опор, «сшивают» в одно целое пространство бытия-в-мире;

2) обозначенные уровни переживаний онтологической уверенности и соответствующие им измерения могут быть операционализированы с помощью диагностических методик, позволяющих выявить структуру и типологию онтологической уверенности.

Вторая группа гипотез относится к взаимосвязям и структурам, образуемым онтологической уверенностью с возможными коррелятами и антиподами:

1) онтологическая уверенность теснее взаимосвязана с имеющими отношение к психологическому здоровью и благополучию, сопоставимыми с ней по масштабу феноменами (установками ко времени, осмысленностью жизни, жизнестойкостью, глобальными параметрами оптимизма и др.), чем с аналогичными личностными, субъективными феноменами (счастье, самоотношение, самоактуализация), и вместе с тем имеет собственное, отличное от них психологическое содержание;

2) одним из наиболее представительных антиподов онтологической уверенности является депрессия, феномен, соизмеримый с рядом приведенных выше, однако отличающийся от них по «знаку»;

3) связи онтологической уверенности с классическими эмпирическими конструктами («силой – слабостью Я», аффектотимией, экстраверсией – как оппозициями сизотимии, интроверсии, соотносимыми с шизоидностью, направленностью на внутреннюю жизнь и т.д.), имеющими непосредственное или косвенное отношение к ее концептуальным основаниям, должны соответствовать этим основаниям.

Объект, предмет, цель и гипотезы исследования обусловили постановку и решение следующих задач.

В теоретической части исследования:

1. Реконструкция концепции онтологической неуверенности в части, пограничной с клинической.
2. Уточнение содержания используемых Р. Лэйнгом понятий: бытие-в-мире, элементы бытия-в-мире, экзистенциальные состояния (положения, позиции) уверенности – неуверенности, воплощенности – невоплощенности, чувство онтологической уверенности, переживания онтологической уверенности.
3. Установление связей между понятиями, обоснование конструкта онтологической уверенности.
4. Выделение и описание на основе конструкта типов онтологической уверенности.
5. Уточнение авторского теоретического конструкта онтологической уверенности в связи с родственными, известными в психологии феноменами, места среди них понятия онтологической уверенности.

В эмпирической части исследования проведение в рамках концептуальной модели онтологической уверенности серии исследований, позволяющих придать данному психологическому феномену и его характеристикам эмпирическое содержание.

1. Разработка диагностических методик, соответствующих уровням переживания онтологической уверенности; психометрическая проверка инструментария, эмпирическое обоснование валидности гипотетического конструкта онтологической уверенности.
2. Выявление с помощью созданного психодиагностического инструментария уровней, аспектов, видов, структуры, эмпирической типологии онтологической уверенности, характеристик конкретных типов.

3. Изучение возрастных, половых различий онтологической уверенности.
4. Исследование и уточнение эмпирического конструкта онтологической уверенности в связи известными вероятными родственными эмпирическими конструктами и антиподами посредством соответствующих методик.
5. Определение перспектив исследования онтологической уверенности.

Методологическую основу исследования составили: философский принцип единства бытия и мышления, восходящий к Пармениду и получавший впоследствии различные толкования (Платон, Декарт, Беркли, Гегель, Ницше, Зиммель), в том числе в экзистенциальной философии, представления М. Хайдеггера (*in-der-Welt-sein, Dasein. mit-Anderem-sein, Anwesen*), К. Ясперса (экзистенциальная коммуникация), Ж.-П. Сартра (бытие-для себя, бытие-для других), М. Бубера (Я и Ты, общение как Встреча), М. Мерло-Понти, П. Тиллиха, М.М. Бахтина.

Теоретические основания исследования соотносятся собственно с концепцией онтологической неуверенности Р. Лэйнга, с категориями бытия человека в мире, экзистенциальных состояний, онтологических чувств, отчуждения, смысла, трансценденции, разработанными в рамках экзистенциальной психологии, а также с идеями представителей различных направлений западной и отечественной психологии, исследования которых тяготеют к онтологии человека в мире (А. Адлер, Э. Фромм, Л. Бинсвангер, М. Босс, А. Маслоу, Р. Мэй, И. Ялом, Дж. Бьюдженталь, В. Франкл, А. Лэнгле, С. Мадди, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, В.В. Знаков, Е.Е.Сапогова, Л.Я. Дорфман, С.В. Кривцова, С.К. Нартова-Бочавер, В.В. Летуновский, Е.Н. Осин, В.Б. Шумский и др.). К теоретическим основаниям работы имеют отношение концепции Я, идентичности, сближающие проблематику самосознания и сознания, подобно классической концепции У. Джемса (Ч. Кули, Э. Эриксон, Д.В. Винникотт, И.С. Кон, В.С. Мерлин, В.С. Мухина, В.В. Столин, А.Ш. Тхостов и др.) и немногочисленные исследования творчества Р. Лэйнга отечественных и западных авторов (А.М. Руткевич, Е.В. Косилова, О.А. Власова, А.И. Пашинский, Ж. Гараббе, D. Burston). Мы сознаем, что реконструкция системы понятий, которые описывают континуум «онтологическая уверенность – неуверенность», а также тестирование онтологической уверенности с помощью методов математической статистики расходятся с исходной феноменологической концепцией Р. Лэйнга. Однако в соответствии с принципом дополнительности соотнесение в исследовании **различных** подходов не является недостатком, напротив, позволяет охватить **большую** по масштабу психологическую реальность (Юревич, 2001, с. 125). Плюрализм современной психологии не исключает и операционализацию экзистенциальных понятий (Экзистенциальная психология, 2001, с. 9).

Эмпирическая база исследования. Исследование проводилось в 2008–2012 гг. В работе обобщаются данные 25 эмпирических исследований, выполненных в течение пяти лет в различных выборках испытуемых. Общее количество респондентов, принявших участие в различных программах исследования,

составило свыше 1500 человек (от 18 до 45 лет), это студенты дневных и заочных отделений вузов г. Перми.

Методы исследования. В исследовании онтологической уверенности, в соответствии с его теоретико-эмпирическим характером, использованы следующие методы: 1. Теоретические: теоретический анализ, реконструкция, построение теоретических моделей, интерпретация и реинтерпретация, сопоставление, обобщение психологических исследований зарубежной и отечественной психологии по проблеме. 2. Эмпирические: разработка, адаптация и валидизация психодиагностических методик. На основании авторского теоретического конструкта онтологической уверенности (ОУ) разработаны различные по основаниям построения методики, органичные природе феномена: психометрическая методика «ОУ (ПМ)» и методика, построенная по принципу семантического дифференциала, – «ОУ (СД)». В ходе кроссвалидизации эмпирического конструкта, соответствующего методике «ОУ (СД)», использовались современные методики, предназначенные для диагностики личностных и экзистенциальных проявлений психологической зрелости и благополучия. 3. Методы статистической обработки данных: корреляционный анализ, факторный анализ по методу главных компонент Г. Хотеллинга без вращения и с последующим Varimax-вращением, метод иерархического анализа облических факторов, анализ с помощью t-критерия для независимых и зависимых выборок, кластерный анализ центров K-Mean Cluster, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), альфа-коэффициент Кронбаха. Вычисления проводились на персональном компьютере с помощью программного пакета Statistica 6,0 for Windows.

Научная новизна. Впервые общепсихологическая часть континуума «онтологическая уверенность – неуверенность» изучается в теоретическом и эмпирическом планах. Предложен теоретический конструкт онтологической уверенности. Разработаны позволившие валидизировать его авторские методики. Настоящее исследование восходит к концепции Р. Лэйнга, которой в отечественной психологии уделено недостаточно внимания.

Теоретическая значимость исследования. В диссертационной работе представлена система взаимосвязанных понятий, посредством которых может быть описана общепсихологическая часть континуума «онтологическая уверенность – неуверенность», в отличие от существующих интерпретаций концепции онтологической неуверенности Р. Лэйнга, определяющих ее через отдельные ключевые понятия (специфические тревоги, дефицит автономии, экзистенциальная позиция и т.д.). Конструкт онтологической уверенности соотносен с целым рядом достаточно обоснованных в психологии понятий, которые могут рассматриваться в качестве его возможных коррелятов (личностных, экзистенциальных, моделей психологического здоровья). На основании предложенного подхода к онтологической уверенности как проявлению психологического здоровья помимо разработанного исследовательского инструментария могут быть построены и другие диагностические методики.

Практическая значимость исследования. Онтологическая уверенность (воплощенность) – неуверенность (невоплощенность) представляют собой сущностные характеристики психологической организации человека, которые

приобретают особую важность в условиях развития новой сферы его существования – Интернета, открывающей идеальные возможности как для безграничных масштабов личностного общения, единения с миром, так и поддержания разобщенности, анонимности, производства «ложных Я». Разработанный понятийный и диагностический аппарат может быть использован в качестве инструмента изучения феноменов и процессов, связанных с виртуальной психологической реальностью. Диагностические методики «ОУ (СД)» и «ОУ (ПМ)» по сравнению с другими инструментами диагностики психологического здоровья выявляют как измерения, связанные с самоутверждением, самореализацией личности, так и измерения, имеющие отношение к характеру контактов человека с другими людьми и миром, к экзистенциальной коммуникации. Результаты исследования используются при создании учебных курсов и практикумов по экзистенциальной психологии, психологии здоровья для студентов психологических специальностей.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют пунктам специальности 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии»: п. 17 «Бессознательное. Установки. Психологическая защита», п. 29 «Индивид, личность, индивидуальность. Структура личности. Проблема субъекта в психологии», п. 31 «Самосознание и самооценка. Образ Я. Жизнетворчество», п. 32 «Психология отношений», п. 33 «Социальное конструирование психологических понятий. Психология научных открытий. Влияние социокультурного и исторического контекста на развитие психологических воззрений. Психологические воззрения в донаучный период развития психологии. История отечественной и зарубежной психологии». Соответствие подтверждается содержанием цели, предмета, объекта исследования, а также данными апробации результатов исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Онтологическая уверенность – неуверенность, а также все точки в границах этого континуума, представляют собой экзистенциальные положения, соотносимые со способом структурирования бытия-в-мире, иерархией составляющих его элементов.

2. Оппозиция «онтологическая уверенность – неуверенность» может быть конкретизирована через другую оппозицию экзистенциальных положений: воплощенности ментального Я в теле, находящей свое продолжение в вовлеченности, причастности к бытию – невоплощенности, предполагающей отчуждение человека от себя, других людей, мира.

3. Общепсихологическую часть континуума представляют типы: онтологически уверенный, воплощенный психологически здоровый человек (скорее идеальный предел, чем реальность) – «обычный», частично воплощенный человек – невоплощенный шизоид.

4. Онтологическая уверенность – неуверенность могут также рассматриваться как «общие» чувства, которые раскрываются в целом спектре переживаний, соотносимых с Я и не-Я.

5. Можно выделить два уровня этих переживаний, различающихся степенью дифференцированности, специфичности в отношении основных элементов бытия-в-мире. Представить эти уровни в качественных и количественных характеристиках позволяют имеющиеся достаточно высокие психометрические параметры методики «ОУ (СД)» и «ОУ (ПМ)», составляющие диагностический инструментарий исследования.

6. ОУ как переживание себя в мире представляет собой целостную достаточно стабильную структуру, соответствующую формуле, с помощью которой Р. Лэйнг описывает соотношение элементов бытия-в-мире «обычного» человека: ("я"/тело) ↔ другой.

7. Одна из возможных типологий ОУ соотносится с конфигурацией опор, соответствующих основным элементам бытия-в-мире (с уровнем уверенности в том, что составляет Я и не-Я).

8. ОУ как переживание бытийных опор в пространстве существования человека и позитивные темпоральные, пространственные характеристики бытия-в-мире (установки ко времени, наличие смыслов в прошлом, настоящем и будущем, стабильность и глобальность как измерения оптимизма) взаимно предполагают друг друга, что соответствует идее хронотопа. Такого рода хронотопу онтологической уверенности соответствуют: оптимизм в межличностных ситуациях (который можно рассматривать как особенность модуса существования *Mitwelt*, стоящего в одном ряду с временными и пространственными измерениями бытия-в-мире), оптимистическая атрибуция человеком событий его жизни в целом, убеждение относительно управляемости жизни.

Достоверность и надежность полученных результатов обеспечена теоретико-методологической проработанностью проблемы; использованием взаимодополняющих методов, адекватных цели, предмету и задачам исследования; применением авторских методик, прошедших психометрическую проверку, апробированных известных методик; репрезентативностью выборки ($n = 1453$ в эмпирическом исследовании, $n = 608$ при адаптации методик); статистической обработкой данных, сочетанием качественного и количественного анализа полученных эмпирических данных.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты и защищаемые положения работы обсуждались на методологических семинарах и заседаниях кафедр теоретической и экспериментальной психологии и практической психологии Института психологии Пермского государственного педагогического университета (2009–2011). Основные положения диссертационного исследования обсуждались и были представлены на IV и V Съездах РПО (2007, 2012), XX, XXII, XXVI Мерлинских чтениях (Пермь, 2005, 2007, 2011), I Форуме психологов Прикамья (Пермь, 2010), II Международной научно-практической конференции (Кострома, 2010), II Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 2010), III Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, 2010), IV Сибирском психологическом форуме (Томск, 2011).

Результаты исследований используются в преподавании спецкурса «Гуманистическая и экзистенциальная психология». По теме диссертации выполнены

гранты ПГПУ «Онтологическая уверенность» (2009) и РГНФ Регион, 10–06–82–607а/У «Психология онтологической уверенности» (2010–2011).

По теме диссертации опубликовано 33 работы, в том числе две монографии, статьи в журналах лицензируемых ВАК (16), а также статьи в сборниках научных трудов, материалов и тезисов конференций, учебно-методический комплекс «Гуманистическая и экзистенциальная психология» (Пермь, 2006).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух частей, пяти глав, заключения, списка литературы (374 источника, из них 60 – на иностранных языках) и шести приложений. В тексте имеется 72 таблицы, девять рисунков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность исследования, определены его объект и предмет, сформулированы цель, задачи и гипотезы, методы исследования, дана характеристика выборки испытуемых, раскрыты теоретико-методологические основания, показаны научная новизна и практическая значимость диссертационной работы, апробация, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **первой части** работы на основании концепции онтологической неуверенности Р. Лэйнга реконструирована система понятий, позволяющих описать общепсихологическую часть континуума «онтологическая уверенность – неуверенность», аспекты соответствующих феноменов, уровни, формы, состояния, факторы формирования. Понятийный статус оппозиции «онтологическая уверенность – неуверенность» уточняется посредством сравнения с аналогами в экзистенциальной психологии, с родственными понятиями, что дает возможность установить место конструкта среди известных психологических категорий и скорректировать его в качестве основания общепсихологического эмпирического исследования.

В **первой главе** «**Феноменологические основания концепции онтологической неуверенности Р. Лэйнга. Реконструкция системы понятий, относящихся к континууму «онтологическая уверенность – неуверенность»**» уточняется понятийное содержание терминов, с помощью которых может быть определена общепсихологическая часть обозначенного континуума, устанавливаются взаимосвязи соответствующих понятий (табл. 1).

Эпитет, с которым употребляется привычное слово «уверенность», предполагает обращение к тому, что представляет собой, с точки зрения Р. Лэйнга, бытие-в-мире (как нами уже отмечалось, более уместен был бы термин «экзистенциальная уверенность»). В соответствии с его подходом, в составе индивидуального бытия, на наш взгляд, можно выделить две принципиально различные между собой «составляющие». Первая – это его «центральный анклав» – Я – в оригинале «*self*», вместе с «внутренним», ментальным Я («*inner*», *mental self*), к нему относится тело как «ядро истинного Я». «Стороны бытия личности за пределами анклава Я» (Лэнг, 1995, с. 86) обозначаются как «Другой», «Мир», «не-Я». Их объединяет то, что, входя в состав бытия-в-мире, они не являются

его необходимой частью. Существенный аспект бытия составляют отделенность, автономия и одновременно связанность человека с Другими (Другим). Приведенные характеристики описывают «идеальную форму» структуры бытия-в-мире, которая не отменяет наличия у человека собственной «схемы всего сущего».

Онтологическая уверенность – неуверенность и (если следовать логике Р. Лэйнга) все точки, расположенные в границах этого континуума, определяются им как **основополагающие экзистенциальные положения, позиции** (existential position, basic existential position). Представляется, что их смысл может быть прояснен посредством **другой оппозиции экзистенциальных положений** (*basic existential settings, position in life*): **воплощенности – невоплощенности** (*embodid – unembodid self*), раскрывающей основания того рода уверенности, о котором идет речь.

То, что подразумевает «Я, воплощенное в теле», на наш взгляд отчасти совпадает с наивным обыденным представлением о человеке, который есть тело (Leib в отличие от Körper), в том виде (образе жизни), в котором он не только познает себя, но и живет (der-leibt) [Дюркхайм, 1992]⁴. Из научных понятий *embodid self* можно соотнести с *self* У. Джеймса, целостным феноменом, в котором условно выделены две стороны: *I* или знающее Я (*knowing self*), субъект, и *me* или знаемое Я (*self known*), объект [Reber, 1985, p. 676]. Поскольку *me* включает не только тело, но и многое другое, что человек идентифицирует с собой, и к тому же с трудом дифференцируется от *mine*, границы *self*, как и воплощенного Я, выходят далеко за пределы тела человека. Оба понятия сближаются с существующим в экзистенциально-феноменологической традиции понятием телесности, по масштабу совпадающей с бытием-в-мире [Boss, 1979]. Можно усмотреть содержательное и терминологическое родство идей Р. Лэйнга и близкого к экзистенциализму феноменолога М. Мерло-Понти, который считает тело «часовым», стоящим у основания слов и действий человека, «проводником бытия в мир», своего рода «осью мира», якорем, закрепляющим нас в мире, и одновременно способом нашего обладания миром [по: Вдовина, 1999, с. 586], в его трудах тело рассматривается как сгущенное или обобщенное существование, а существование – как непрерывное воплощение [Мерло-Понти, 1999, с. 204; 193; 218; 219]. Аналогичным образом в феноменологии Р. Лэйнга тело выступает в качестве «узлового пункта» бытия-в-мире, являясь продолжением «внутреннего», ментального Я и одновременно истоком телесности.

Ключевыми для онтологической неуверенности моментами являются двусмысленное переходное положение тела которое находится на границе двух миров, внешнего и внутреннего, и возможная в связи с этим двойственная установка человека по отношению к нему (У. Джеймс, К. Ясперс, Р. Лэйнг). У Шизоида единое *self* расколото на невоплощенное в теле (с которым он себя не идентифицирует) истинное Я, внутреннего наблюдателя, отстраненного от не-

⁴ Возможный русский аналог: *живот* (старинный смысл «жизнь») и *живёт*. Некогда существовало слово *тель* для обозначения живого чувствующего человека (по В.П.Зинченко, 2007,с.6) ..

посредственного участия в жизни, и систему объединенных вокруг тела ложных Я, которым передано взаимодействие с миром. В свете изложенного, речь идет о расколе не только Я, но и бытия-в-мире.

Основания положений онтологической уверенности – неуверенности, таким образом, могут быть связаны с мерой надежности конфигурации бытия-в-мире и составляющих его элементов. Вся «физиогномия» мира воплощенной личности выглядит иначе, чем невоплощенной, воплощенное Я предполагает обозначенные ранее существенные аспекты бытия: отделенность, автономию и одновременно связанность с другими людьми и миром, невоплощенное Я обречено на дефицит автономии, стоит перед альтернативой изоляции или слияния.

Таблица 1

Реконструкция системы понятий Р. Лэйнга, характеризующих континуум «онтологическая уверенность – неуверенность»

Элементы бытия-в-мире:	<i>Я (ментальное Я и тело)</i>	<i>не-Я (другие люди, мир)</i>
Экзистенциальные положения, соответствующие конфигурации элементов бытия-в-мире		
<i>Онтологическая уверенность – неуверенность</i>	<i>воплощенность ("я"/тело) ↔ другой – невоплощенность ментального Я в теле, "я" ↔ (тело-другой), "я" ↔ (тело-мир)</i>	
Переживания онтологической уверенности – неуверенности и их производные		
Более дифференцированные, характеризующие отделенность и связанность Я и не-Я (1-й уровень)	<i>личностная автономия – дефицит автономии</i>	<i>непосредственные связи с людьми и миром – изоляция и/или слияние</i>
Менее дифференцированные, неспецифические, общие для различных элементов бытия в мире (2-й уровень)	<i>реальность – нереальность, субстанциональность – несубстанциональность, подлинность – неподлинность и т.д.</i>	

Онтологическая уверенность (воплощенность) – неуверенность (невоплощенность) как экзистенциальные позиции находят выражение в глобальных «онтологических чувствах»: на положительном полюсе – «надежности бытия в этом первичном эмпирическом смысле», «ощущения самого себя как бытия в своем праве», на отрицательном – «жизни без ощущения жизни», беспокойства, постоянной угрозы собственной экзистенции [Лэнг, 1995, с. 60, 37, 7, 199, 35]. Они образуют общий корень целой системы частных переживаний, соотносимых с составляющими бытия-в-мире (Я – Другой или Я – Мир, Я – не-Я).

В системе переживаний онтологической уверенности мы выделяем уровни более дифференцированных переживаний (личностной автономии, отделенности и связанности) и менее дифференцированных переживаний (реальности, субстанциональности, ценности, надежности и т.д.), одинаковых для разных

элементов бытия-в-мире (ментальное Я, тело, мир, вещи, природные процессы, другие люди), выражающих их общий смысл для человека. В своих истоках этот смысл имеет отношение к телу, ощущение которого человеком в качестве реального, субстанционального, живого, ценного задает надежные личные временные и пространственные координаты. Наделяя других людей теми же характеристиками, что и себя, онтологически уверенная личность переживает себя «вместе с остальными», распространяя их на мир – чувствует себя в нем «как у себя дома».

Связь понятий, представленных в табл. 1, может дополнить их связь в генетическом плане. Исследователи отмечают отсутствие у Р. Лэйнга ответа на вопрос, как и почему теряется «онтологическая уверенность» (А.М. Руткевич, Ф. Дженер). Представим основанный на приведенных в книге историях болезни пациентов и отдельных комментариях автора возможный ответ на вопрос о происхождении онтологической неуверенности. Она имеет природные предпосылки, относящиеся к невоплощенности ментального Я в теле: ослабление единства ментального и поведенческого аспектов инстинкта, из-за чего основополагающие оральные побуждения ребенка не находят выражения «через каналы телесной деятельности», явно голодный ребенок не сосет энергично, не достигает насыщения. Другой предпосылкой онтологической неуверенности является отношение матери, чувствительность которой к потребностям ребенка, возможно, могла бы поддержать его едва намечающееся автономное самобытие. Однако матерям шизоидных пациентов не свойственно «первичное и самообоснованное» переживание своих детей в качестве личностей. Они пренебрегают постоянной неудовлетворенностью ребенка, обращаются с ним по своему усмотрению, как с куклой, по сути, отрицая, что он живой. Безропотный, не проявляющий собственной активности ребенок является живым только физически, но не экзистенциально, он представляет собой полную противоположность действительно живого требовательного, доставляющего хлопоты ребенка. Действия контроля над собственным телом, раннее развитие которых наблюдается у шизофреников, также являются поставленными матерью, сам ребенок в них отсутствует. Как выражение чужой воли может впоследствии формироваться и остальное его поведение. Отсутствие действий, продиктованных изнутри, пролагающих свои собственные пути, делает ребенка похожим на программируемый, дистанционно управляемый механизм. Одна из пациенток в возрасте около десяти лет длительное время каждое утро донимала мать тем, что просила назначить ей то, что она должна будет делать в течение дня.

Клинические случаи, которые представлены в книге, мы делим на две категории: «простые», «неразвитые» формы онтологической неуверенности, невоплощенности, в которых характеризующие их феномены и поведенческие проявления едва обозначены, и «сложные», «развитые» (составляющие основное содержание книги), в которых они раскрываются. Онтологическая неуверенность, невоплощенность взрослого в простой форме мало чем отличается от детской, ввиду ничтожности собственного Я, рефлексии она взрослым человеком так же не осознается, не имеет собственного языка, не «высказывает» себя. Близкие люди (и даже предметы, напоминающие о них) противоестественным

образом превращаются в необходимую часть бытия, подтверждая его, определяя, что нужно делать. Ни автономия, ни отношения с людьми, основанные на взаимности, не складываются. Симптоматика, внешне соответствующая обычной фобии, скрывает панику встречи с «ничто» собственного Я (например, в окружении чужих людей, не побуждающих к каким-либо действиям). Под сложными случаями мы подразумеваем онтологическую неуверенность шизоидов. Ребенок, испытывая недостаток автономии, чувствуя, что его телом «завладели» взрослые, прибегает к расщеплению как защитному способу организации бытия внутри себя, пытается превратить себя в субъекта без какой-либо объективной экзистенции, переступить пределы этого мира, отделив внутреннее Я от воплощенного (в теле), доступного взорам и влиянию других. Тело становится ядром системы ложного Я (*false self system*), личиной, маской, состоящей из аспектов бытия, которые внутренним Я отвергнуты как чуждые. Ложное Я, ссылаясь на Кьеркегора, Хайдеггера, Сартра, Бинсвангера, Ролана Кюна, Р.Лэйнг определяет как один из способов не быть собой, один из способов неподлинной жизни. Приведенные им рассуждения Гегеля о действии – подлинном и мнимом, действительном и ничтожном бытии позволяют заключить, что невоплощенное Я также не является истинным, поскольку не обнаруживает себя, не подвергается испытанию «предметной стихией». Соответственно, онтологическая неуверенность в сложной форме характеризуется развитыми проявлениями ложного Я, невоплощенности, неподлинности бытия, богатством соответствующей им феноменологии, обязанной своим происхождением рефлексии шизоида. Расщепленность ментального Я и тела – шаткое основание, которое шизоид пытается компенсировать жесткостью возводимой на нем надстройки. Онтологически уверенная личность, напротив, имеет возможность построить на твердом фундаменте воплощенности более гибкое сооружение. Соответственно, формула бытия обычного человека – ("я"/тело) ↔ другой, шизоида – "я" ↔ (тело-другой) или "я" ↔ (тело-мир) английские аналоги (*self/body*) ↔ *other*, *self* ↔ (*body-other*), *self* ↔ (*body-world*) [Лэйнг, 1995, с. 80, 151].

Свяжем в преемственной логике соотносимые со структурированием бытия-в-мире экзистенциальные позиции онтологической уверенности – неуверенности, воплощенности – невоплощенности, соответствующие этим позициям «общие чувства» и переживания более частного порядка. Переживания автономии (ее дефицита), связей человека с миром и людьми (дефектов этих связей) разворачиваются в спектре менее эксплицитных, неспецифических ценностных переживаний, в которые, как в «болевы́е точки», метят особые формы тревоги: поглощения (*engulfment*), деперсонализации, окаменения (*petrification*), разрывания (*implosion*). Поглощено может быть только меньшее (большим), в сравнении с усеченным, невоплощенным Я, не-Я всегда «имеет бо́льший масштаб», «бо́льшую шкалу». Деперсонализирован, превращен в вещь может быть тот, кто не ощущает себя вполне живым, реальным, кому до окончательного превращения в «ничто» достаточно незначительного толчка извне; с легкостью разорвано – нечто, не обладающее достаточной плотностью, субстанциональностью. Обычные жизненные условия, контакты, не вызывающие затруднений у большинства людей, воспринимаются как угрожающие самому существова-

нию, непереносимыми становятся как личностные, так и широко представленные в повседневной жизни формальные отношения, при которых один человек является не более чем объектом в глазах другого. Тревоги поглощения, деперсонализации и разрывания выступают как следствие ощущения дефицита автономии, которая может быть утрачена любым из трех способов. К этим угрозам причастны также дефектные отношения с миром и людьми. Таким образом, табл. 1 может быть дополнена рис. 1, в соответствии с которым описание онтологической уверенности – неуверенности можно начать с любого из звеньев, изображенных на циклической диаграмме.

Рис 1. Взаимосвязь понятий, характеризующих континуум «онтологическая уверенность – неуверенность»

Обсуждаемый понятийный аппарат может быть положен в основание общепсихологического исследования. В изложении Р. Лэйнга воплощенное Я, в отличие от невоплощенного Я как структуры «несчастливого сознания», крайне расплывчато и неясно, представляет собой скорее некую систему персонифицированных витальных сил [Пашинский, 1989, с. 66]. При более близком рассмотрении обнаруживается, что это связано, в частности, с его неоднородностью.

Мы выделяем категории людей, различающихся с точки зрения способа структурирования бытия, экзистенциального положения онтологической уверенности (воплощенности), соответствующих им частных переживаний и психологического здоровья (табл. 2).

Невоплощенный шизоид как «суперсознание», «несчастное сознание» является пограничным между патологией и нормой. В отношении психологического здоровья он являет собой «частную форму человеческой трагедии». Общепсихологический тип (как и шизоидный), вероятно, характеризует весьма сложная связь ментального Я с телом. О наличии не замечаемой «подлинно основанными на собственном теле» людьми трещины в ядре их собственного бытия может свидетельствовать, в частности, дефицит чувствительности к важным сигналам, которые посылает тело. А. Маслоу, К. Роджерс, мыслившие самость как организмическую по природе, видели в этом основное препятствие на пути к ее актуализации. Тем не менее, этой меры воплощенности Я в теле достаточно, чтобы она сама стала источником экзистенциальных проблем, связанных с ненадежностью тела в качестве бытийной опоры, не столь актуальных для «настоящего» шизоида, более последовательно отчуждающего тело от истинного Я. Помочь человеку в их разрешении предназначены различные как религиозные, так и нерелигиозные ценностные системы ориентации. Воплощенность большинства людей, связывающих свое существование во времени и пространстве с телом, существенно ограничивает то, что в обоих этих измерениях находится место для ложного Я, ущербного посредника, препятствующего полноте представленности подлинного Я в мире. Распространенность шизоидной «психопатологии обыденной жизни» обсуждают Э. Фромм, Р. Мэй, Ф. Фромм-Райхманн, Г. Салливан, П. Тиллих и др. При специфике нашего времени ложное Я остается одной из его характерных примет. Д.И. Дубровский отмечает «типичную для нашей жизни всепоглощающую игровую имитацию. Везде – сплошные маски и роли. Самая интересная, притягательная, самая популярная персона – артист. И чем искуснее имитируют нечто, тем выше волны восторга. Безукоризненное лицедейство, безошибочное исполнение роли – как актерами, так и зрителями – есть то, что принимается за настоящую реальность» [Дубровский, 1994, с. 103]. Аналогами простой и сложной клинических форм онтологической неуверенности можно считать массовые неврозы выходного дня, на которые указал В. Франкл, и не менее массовую в наши дни депрессию. Соответственно этот тип лишь отчасти может быть признан психологически здоровым. Собственно онтологически уверенный, воплощенный человек – скорее идеальный предел осуществления «бытийствующего сознания», чем реальный тип, – соотносится с психологическим здоровьем⁵.

Целесообразно развести употребляемые Р. Лэйнгем в качестве синонимов термины «экзистенциальное положение» и «экзистенциальная позиция», исходя из того, что, в отличие от положения, позиция – это отношение к миру, кото-

⁵ Подобные категории выделяются А. Маслоу в отношении самоактуализации как проявления психологического здоровья. П. Тиллих различает невротическое самоутверждение, фрагментарное самоутверждение в обыденной жизни и его высшую форму – мужество быть.

рое человек выстраивает сам [Слободчиков по: Цукерман, 1993, с. 125]. Проводимое Э. Эриксоном различие собственной мудрости и мудрости как следования здоровой традиции, вероятно, можно распространить на онтологическую уверенность.

Таблица 2

Типы личности, соответствующие экзистенциальным положениям онтологической неуверенности – уверенности

Типы личности с точки зрения онтологической уверенности/ основания их сравнения	Шизоид, онтологически неуверенная личность	«Обычный», онтологически уверенный человек	Онтологическая уверенность как идеальный предел
Воплощенность как мера подлинности бытия	Частично воплощенная личность, «несчастное сознание»	Личность, относительно воплощенная в собственном теле и за его пределами	Воплощенная личность, «бытийствующее» сознание
Автономия	Дефицит автономии	Большая или меньшая мера автономии	Автономия
Связи с миром и людьми	Альтернатива изоляции – слияния	Более или менее спонтанные, естественные, непосредственные, диалектические, приносящие удовольствие, определенная мера участия в жизни	Творческие контакты, «индивидуальная встреча с миром посредством неотъемлемой самости», «изначальный союз Я и Ты», отношение привязанности, основанное на подлинной взаимности, обмен между двумя бытиями, «конгениальными» друг другу, соучастие без потери бытия, переживание себя «вместе с остальными людьми», ощущение «меня-и-тебя-вместе», «мыйности», дуальный модус бытия в мире ⁶
Отношение к психологическому здоровью	Частная форма человеческой трагедии	Относительное психологическое здоровье	Психологическое здоровье

Наличие типов и форм онтологической уверенности не исключает колебаний ее меры в зависимости от различных факторов: телесных дефектов, старения, проблем со здоровьем, стрессовых ситуаций, провоцирующих состояния, подобные шизоидным, социокультурных, связанных с развитием негативных форм отчуждения в обществе. Особо отметим «срастание человека с созданной им техногенной средой» [Шабшин, 2005, с. 159], приводящее к все

⁶ определения Р.Лэйнга [Лэнг, 1995, с. 9, 80 с.93, 155]

большой значимости новой сферы существования – Интернета. Шизоидный «модус вивенди», в конечном итоге направленный на самоуничтожение, получает благоприятные условия для развития в общении, которое снимает целый ряд барьеров, неизбежных при контактах «лицом к лицу». Защитные маневры и стратегии пациентов Р. Лэйнга (быть как все остальные, быть кем-то, отличным от себя, играть какую-то роль, быть никем, пускать в ход «разобщение, «отцепление», психотически притворяться, что не имеешь тела) легко реализуются и, возможно, культивируются в виртуальном пространстве. Не менее впечатляющими, однако, являются и невиданные прежде возможности утверждения онтологической уверенности. Вызывающие ностальгию времена, когда, объединяемые местом проживания, повседневным бытом, соседи «без спроса ходили в гости» и дружили «всем двором», сменили другие, представляющие простор для подлинно личностного общения между людьми, поиска единомышленников, избирательного взаимодействия в соответствии с самыми разнообразными интересами во всем мире.

Во второй главе «Систематизация и уточнение понятия онтологической уверенности» представлен анализ концепций, позволяющих уточнить предложенный ранее конструкт, конкретизировать его в той мере, в какой это необходимо для создания соответствующего диагностического инструментария, обозначить возможные контексты изучения онтологической уверенности. Приведем некоторые его итоги.

Уточнение «набора» элементов бытия-в-мире. Экзистенциальные положения онтологической уверенности – неуверенности соотносятся со структурой элементов бытия-в-мире. Эти элементы в подходе Р. Лэйнга: *Я* (ментальное *Я*, тело) не-*Я* (Другой, Мир) отчасти совпадают с измерениями (*I, me, mine*) глобально понимаемой идентичности (У. Джемс); с разнородными организмическими, психологическими, социальными измерениями идентичности (Э. Эриксон); с модусами бытия-в-мире *Eigenwelt, Umwelt, Mitwelt* (Л. Бинсвангер, Р. Мэй); с трехуровневой схемой объяснения человеческой природы, включающей мир наружный, мир внутренний, а также находящуюся между ними зону непосредственного опыта, в которой эти миры «встречаются» (Д.В. Винникотт).

У. Джемс особо выделяет содержание эмпирического *Я*, в частности, творения собственных рук и ума человека, утрата которых воспринимается как умаление *Я*, превращение части собственной личности в ничто [Джемс, 1991, с. 89], подобные феномены в психическом содержании жизни отмечал С.Л. Рубинштейн [Рубинштейн, 1946, с. 680]. Л. Бинсвангер указывал, что в структурировании миропроекта главенствующее место может занять любая категория: «Все, что делает мир значимым, подчинено господству одной этой категории, которая одна поддерживает... "мир" и бытие» [Нидлман, 1999, с. 68]. Р. Мэй соотносил экзистенциальную тревогу с угрозой ценности, с которой человек себя идентифицирует. Сходный смысл у Д. Винникотта придается отмеченным печатью творчества и индивидуальности переходным феноменам. В соответствии с этим в уточненном конструкте онтологической уверенности к числу «элементов» бытия-в-мире, выделяемых Р. Лэйнгом (ментальное *Я*, тело, другие люди,

мир), был добавлен еще один – условно названный «значимое». Он подразумевает индивидуальную ценность, объект которой может относиться к любому из перечисленных элементов (табл. 3).

Уточнение экзистенциальных положений онтологической уверенности, воплощенности – неуверенности, невоплощенности и соответствующих общих чувств. Положения уверенности – неуверенности близки к экзистенциальным характеристикам (положениям) богатства – слабости, силы – «невинности», надежности – ненадежности существования, осмысленности жизни – смыслоутраты (Л. Бинсвангер, Э. Фромм, Р. Мэй, П. Тиллих, В. Франкл), соответствуют нормативному статусу идентичности (У. Джемс, Ч. Кули, Э. Эриксон) в противоположность его девиациям. Позитивному полюсу соответствуют целостность, широта индивидуального бытия-в-мире, идентичности, негативному – их фрагментированность, сужение границ. Положения онтологической уверенности – неуверенности предполагают в качестве фактора целостности бытия-в-мире воплощенность Я в теле, задающем способ обладания миром.

Онтологическая уверенность как первичное основополагающее чувство сближается с чувством идентичности, непрерывности переживания своего существа в целом (У. Джемс); с настроенностью, полнотой мироощущения, соответствующей экзистенциальному богатству (Л. Бинсвангер); с чувством осмысленности, онтологической значимости жизни (В. Франкл); с ощущением истинной самости, способности «быть», с личной телесной схемой (Д. Винникотт); с «чувством собственной значимости», уверенностью человека в том, что он может добиться признания среди своих ближних, которым определяет Р. Мэй «силу быть»; с ощущением себя в мире как дома (Э. Фромм); с ощущением эго-идентичности как «ощущением себя живым в джунглях человеческого существования» (Э. Эриксон) и др.

Не все из представленных выше «общих чувств» авторами приведенных определений конкретизируются, а если конкретизируются, то по собственным основаниям. Э. Эриксон приводит восходящие к идентичности многоуровневые переживания в соответствии с возрастными этапами развития, Р. Мэй, что вполне логично, уточняет силу как экзистенциальную характеристику уровнями и видами силы. Ближе всего переживания онтологической уверенности к экзистенциальному богатству, феномену, который Л. Бинсвангером только обозначен, а наиболее явно она отличается от мужества быть (П. Тиллих) отсутствием коннотации с преодолением, которую вносит присущая мужеству быть конфронтация с экзистенциальной тревогой. Соответствующая онтологической уверенности система переживаний связана с основаниями уверенности.

Уточнение общепсихологического спектра переживаний онтологической уверенности (воплощенности) – неуверенности (невоплощенности) – уровень переживания бытийных опор. Некоторые из переживаний онтологической уверенности, которые мы относим к этому уровню, у Р. Лэйнга несут на себе отпечаток их связи с онтологической неуверенностью (например, реальность, субстанциональность в противоположность нереальности, несубстанциональности), что не вполне соответствует нашему намерению создания об-

щепсихологического диагностического инструментария. Первоначальный список переживаний онтологической уверенности, одинаковых для различных элементов бытия-в-мире (ментальное Я, тело, другие люди, мир, значимое как индивидуальная ценность), придающих им смысл опор, сшивающих бытие-в-мире в единое целое (табл. 3), был существенно расширен и уточнен за счет переживаний:

- глобального эмпирического Я, которыми мы обязаны, по словам Л.С. Выготского, «блестящему самонаблюдению» У. Джемса: внутренней активности, принадлежности, теплоты, «неостывшей живости», «жизненности», интимности, близости, знакомости, родственности, «нежнейшего чувства привязанности», симпатии, ценности;

- социальной самости, обменивающейся своими содержаниями с миром, Ч. Кули, к которым он причисляет: «чувство моего», или «чувство присвоения»;

- переходного объекта Д. Винникотта, связанных с первичным обладанием (он «жизненно важен», «значим», «ценен», приносит удовольствие, предполагает связь по принципу взаимоотношений, в процессе развития феномен перехода растягивается на широкую территорию между психической реальностью и внешним миром).

Приведенные формулировки переживания (идентичности, переходной зоны, себя в мире и т.д.) в категориях принадлежности, присвоения, близости, позитивные смыслы, в которые человек облекает реальность, прямо или косвенно указывают на их изначальную связь с телом, отмеченную еще У. Джемсом, сохраняют ее, насыщены переживаниями, имеющими отношение к телу. При этом речь идет о связанности Эго, целостности бытия, но не в смысле непрерывности, слияния, как в случае физического тела, а в смысле близости (Д. Винникотт).

Уточнение соотношения переживаний автономии и связанности, составляющих другой уровень более дифференцированных переживаний человеком онтологической уверенности, возможно с учетом того, что автономия и связанность вместе или по отдельности включены в различные модели психологического здоровья, благополучия, личностного развития. С точки зрения нашего исследования важно иметь в виду существующее между ними фундаментальное противоречие, выступающее в качестве противоречия между потребностью в автономии, самоутверждении, силе, мужеством быть собой, с одной стороны, и потребностью в связях с другими людьми, мужеством быть частью, с – другой (Э. Фромм, Р. Мэй, П. Тиллих). Исследователи разрешают его по-разному: А. Адлер видит оптимальный исход борьбы с чувством недостаточности, достижение превосходства (над собой) в объединении с другими людьми, развитии чувства общности; аналогично Э. Фромм считает, что личностная зрелость предполагает объединение с миром через творчество и с людьми через любовь без утраты индивидуальности; Э. Эриксон в концепции эпигенеза идентичности «разводит» самоутверждение и самотрансценденцию во времени (стадии парциальных детских форм идентичности завершает становление первой целостной формы идентичности, которую сменяют стадии «за идентично-

стью», экзистенциальные по смыслу, предполагающие обретение базисных добродетелей – Любви, Заботы, Мудрости); согласно П. Тиллиху, разъединенность самоутверждения и утверждения собственного мира – того, что должно быть единым, – характеризует фрагментарное мужество, идеал мужества безусловной веры как захваченности силой бытия, преодолевает ограниченность мужества быть частью и мужества быть собой; Р. Мэй, отдавая должное связям, вне которых человек не существует, диалектически рассматривая общение, любовь и силу, все же отдает последней ведущую роль; В. Франкл, напротив, связывает смысл в жизни человека с «радикальным отказом от себя» в пользу служения делу, людям.

Таблица 3

Уточненный гипотетический конструкт общепсихологической части континуума онтологической уверенности – неуверенности

Элементы бытия-в-мире	<i>Я</i> (ментальное <i>Я</i> и тело), <i>не-Я</i> (другие люди, мир)	
Экзистенциальные позиции	Онтологической уверенности (воплощенности) – онтологической неуверенности (невоплощенности, отчужденности)	
Уровни, аспекты (виды) переживания онтологической уверенности	Уровень (более дифференцированных) переживаний отделенности и связанности:	
	личностной автономии	связанности с людьми и миром
	Уровень (менее дифференцированных) переживаний элементов бытия-в-мире в качестве опор	
	Близости, принадлежности, ценности, эмоциональной расположенности, комфорта	
	Аспекты (виды онтологической уверенности)	
	Уверенность в <i>Я</i> : в ментальном <i>Я</i> , в теле	Уверенность в <i>не-Я</i> : в людях, в мире, в значимом (индивидуальной ценности)

Уточненный конструкт онтологической уверенности. Представленный в исследовании конструкт включает отдельные характеристики, сближающие его с уже неоднократно упоминавшимися оппозициями, понятиями, представленными в аналитическом обзоре. Однако потенциал исследования Р. Лэйнга дает возможность «подогнать» приведенные понятия друг к другу до взаимодополняющих элементов системы, имеющей отношение не только к психической болезни, но и к здоровью.

Приведем уточненный гипотетический конструкт (табл. 3), предназначенный для последующей валидации с помощью диагностического инструментария. Следует иметь в виду, что он учитывает далеко не все из обозначенных в теоретической части работы координат, в которых онтологическая уверенность может быть определена. Их, однако, следует иметь в виду, проводя эмпирическое исследование, неизбежно огрубляющее реальность.

Контексты, в которых может рассматриваться онтологическая уверенность. Представленные во второй главе концепции могут составить раз-

нообразные контексты последующего анализа онтологической уверенности, в том числе в эмпирическом плане: концепция эпигенеза идентичности Э. Эриксона – онтогенетический контекст, предполагающий возможность рассмотрения особенностей онтологической уверенности и ее измерений с учетом этапа развития; концепция Э. Фромма, соотносящая с переживанием надежности существования исторически развивающиеся связи (первичные, доиндивидуальные, вторичные, не предполагающие индивида, и зрелые личностные), позволяет учитывать филогенетический, социокультурный контекст, разнородность оснований уверенности; концепция мужества быть П. Тиллиха представляет философские основания уверенности человека в своем существовании.

Вторая часть состоит из трех глав, в которых представлены разработка методик изучения онтологической уверенности (ОУ), их психометрическая проверка, сопоставление гипотетического конструкта ОУ с полученным эмпирическим конструктом. На основании одной из разработанных методик, соответствующей базовому уровню ОУ – «ОУ (СД)», изучаются характеристики, типология, возрастные и половые особенности ОУ, представлена кроссвалидизация соответствующей части конструкта.

В **третьей главе «Инструментарий исследования онтологической уверенности»** обсуждается проблема метода, возможность операционализации понятия. При создании диагностических методик мы ориентировались на два условно выделяемых способа описания Р. Лэйнгом онтологической неуверенности – уверенности: посредством законченных суждений и с помощью набора определений, относящихся к переживанию бытия-в-мире в целом и его отдельных элементов. В обоих случаях помимо многочисленных формулировок, принадлежащих пациентам, часто метафорически передающих их переживания, встречаются обобщающие авторские. Эти способы и были положены в основу двух методик, соответствующих обозначенным выше уровням ОУ: психометрической методики «ОУ (ПМ)» с пунктами в виде суждений, и методики «ОУ (СД)», построенной по принципу семантического дифференциала, предполагающей оценку объектов (элементов бытия-в-мире), в отношении которых человек испытывает уверенность. При подборе пунктов методик использовались формулировки из книги Р. Лэйнга, относящиеся к онтологической уверенности и неуверенности, определения феноменологии Я, принадлежащие У. Джемсу, экзистенциального богатства – слабости, данные Л. Бинсвангером, и т.д. Далее в этой главе представлена каждая из методик в следующем порядке: создание методики, участники исследования, конструктивная валидность (факторная структура пунктов), надежность шкал, их корреляции, итоговый вариант методики, интерпретация шкал.

Итоговый вариант **методики «ОУ (ПМ)»** включает 30 пунктов, образующих четыре первичные шкалы (совпадающие с четырьмя ортогональными факторами, 11,9 %; 11,1%; 10,8%, 9,7%, составляющими 43,3% доли суммарной дисперсии переменных, n=540).

Шкала автономии по своему смыслу более или менее близка к шкалам интернальности, локализации контроля, автономии методик САТ, СЖО, шкале психологического благополучия К. Рифф и другим, предполагающим пережи-

вание человеком себя в качестве независимой личности, способной к самостоятельному выбору.

Шкала витальных⁷ контактов с миром подразумевает удовлетворенность жизнью, переживание своего мира как надежного. Метафорические образы этого переживания – «твердо стоять обеими ногами на земле» (Л. Бинсвангер), «чувствовать себя в мире как у себя дома» (Э. Фромм, Р. Лэйнг).

Шкала витальных контактов с людьми предполагает интерес к людям, переживание себя «вместе с другими людьми в этом мире» (Р. Лэйнг), удовольствие от общения, опыт диалогического общения «Я – Ты» (образ высших проявлений подобного опыта, основания которого закладываются в общении младенца с матерью, принадлежит Э. Эриксону: «чувство благословенного присутствия»).

Таблица 4

Психометрические показатели шкал методик «ОУ (СД)» и «ОУ (ПМ)»

Методика	Шкала	Кол-во пунктов	α Кронбаха	
ОУ (СД)	Уверенность в значимом	18	0,776	(N=540)
	Уверенность в ментальном Я	18	0,743	
	Уверенность в теле	18	0,768	
	Уверенность в людях	18	0,758	
	Уверенность в мире	18	0,757	
ОУ (ПМ)	Витальные контакты с миром	7	0,813	(N=250)
	Витальные контакты с людьми	8	0,754	
	Автономия	7	0,730	
	Ложное Я	8	0,784	

В отличие от перечисленных измерений онтологической уверенности, воплощенности, *шкала «ложное Я»* характеризует онтологическую неуверенность, невоплощенность, отчуждение, обнаруживающиеся в переживаниях неподлинности существования, разрыва между собственной внутренней сущностью и маской, ролью. Ложное Я сопровождается осознанием разобщенности с людьми и миром, внутренней пустоты, отстраненности от собственного тела и поведения. Соответствующее мироощущение передают образные суждения: «мир – тюрьма без решеток» (Р. Лэйнг), «ходить по тонкому льду» (Л. Бинсвангер).

Общий показатель «ОУ (ПМ)» характеризующий переживание личностной автономии и связей с людьми и миром, вычисляется путем суммирования соответствующих шкал, из суммы вычитается показатель шкалы «ложное Я».

⁷ Эпитет «витальный», часто используемый Р. Лэйнгом, является основной характеристикой воплощенного Я, соотносимого с онтологической уверенностью [Laing, 1965, p. 81]. У Э. Эриксона он означает – «жизненный, живой, принципиально несводимый к силам и законам неживой природы» [Эриксон, 1996, с. 341].

Показатели внутренней согласованности (коэффициент альфа Кронбаха) шкал методики «ОУ(ПМ)» и методики «ОУ(СД)», о которой далее пойдет речь, представлены в табл. 4.

Конкретная форма методики «ОУ (СД)» была подсказана методикой Ж. Нюттена «Шкала временных установок» (Нюттен, 2004, с. 446–455). Ее вариант «Шкала аттитюдов ко времени», представленный в адаптации К. Муздыбаева, выявляет установки по отношению к прошлому, настоящему и будущему с помощью трех индексов (эмоционального и ценностного отношения, а также личностного контроля), в соответствии с которыми подобраны 15 оппозиций прилагательных (Муздыбаев, 2000). В методике «ОУ (СД)» принцип семантического дифференциала был использован в целях выявления онтологической уверенности и ее измерений, соответствующих переживанию человеком основных элементов бытия-в-мире (ментальное Я, тело, люди, мир, значимое как индивидуальная ценность) в качестве опор. В первоначальных вариантах методики для каждого из пяти измерений уверенности использовалось до 39 пунктов.

Эксплораторный факторный анализ показал, что 90 пунктов теста, оставшихся после удаления прилагательных, вошедших в факторы с низкими весами, а также образующих плохо интерпретируемые факторы, образовали пять ортогональных факторов, соответствующих гипотетическому конструкту: «Уверенность в людях» (12,0%), «Уверенность в теле» (11,1%), «Уверенность в мире» (10,7%), «Уверенность в значимом» (10,0 %) и «Уверенность в Я» (9,5%), 53,3% доли суммарной дисперсии переменных. Одноименные шкалы составили прилагательные, соотносимые с четырьмя из первоначально использованных критериев: «близость» (близкий, родственник, знакомый, мой), «комфорт» (комфортный, надежный, безопасный, удобный, уютный), «ценность» (значимый, важный, подлинный, ценный для меня, настоящий), «эмоциональное отношение» (вызывающий теплые чувства, родной, любимый, дорогой). Иерархический анализ облических факторов выявил единственный вторичный фактор, свидетельствующий о взаимосвязи указанных относительно автономных факторов. В эмпирической структуре онтологической уверенности и ее измерений явно прослеживается образ самости и соответствующих ему переживаний, представленный метафорой Ч. Кули: «Самость... можно рассматривать как своего рода цитадель сознания, укрепленную снаружи (*комфорт*) и хранящую отборные сокровища внутри (*ценность*)... то, что мы любим сильно и в течение долгого времени, мы, скорее всего, вносим внутрь цитадели (*эмоциональное отношение*) и утверждаем в качестве части нас самих (*близость, принадлежность*)» (1994, с. 321)⁸. Нерасчлененность переживаний базового уровня онтологической уверенности соответствует его характеру как первичного и «самообоснованного» чувства целостности экзистенции.

Из пяти первичных шкал *уверенность в ментальном Я* и *уверенность в теле* составляют уверенность в собственном Я, «центральной анклав» индивидуального бытия; *уверенность в значимом* (индивидуальной ценности), *уверенность в людях*, *уверенность в мире* – уверенность в том, что относится к не-

⁸ Текст, приведенный в скобках, наш. – Н.К.

Я. Эти шкалы предполагают переживание соответствующих бытийных опор (в собственном *Я* и за его пределами), переживание единства своей сущности с тем, что составляет индивидуальную ценность, в качестве общей всем людям; переживание своей единоприродности с миром.

Частные шкалы образуют суммарную, агрегированную шкалу ОУ (СД). *Общий показатель* характеризует онтологическую уверенность как

- переживание уверенности в собственном *Я* (*ментальном Я* и теле), как ядре индивидуального бытия, и в том, что относится к не-*Я* (в людях, мире, в значимом как индивидуальной ценности);
- систему переживаний, которые восходят к переживанию человеком собственного *Я* в единстве с телом и, будучи «разнесены» по разным элементам бытия-в-мире, придают им смысл бытийных опор;
- переживание опор в пространстве бытия;
- отношение к другому, как к себе, интеграцию в единое целое элементов бытия-в-мире.

Таблица 5

Уровни онтологической уверенности и соответствующие им диагностические методики

	Онтологическая уверенность (система переживаний, соотносимых с бытием-в-мире в целом и его элементами)	Диагностические методики
Уровни, аспекты (виды) онтологической уверенности	Переживания отделенности и связанности (более дифференцированные):	Психометрическая методика «ОУ (ПМ)»
	личностной автономии	Шкалы: – витальные контакты с миром, – витальные контакты с людьми, – личностная автономия – ложное <i>Я</i>
	связанности с людьми и миром	
	мире в Переживания элементов бытия-в-качестве бытийных опор (менее дифференцированные, неспецифические)	Методика, основанная на принципе семантического дифференциала, «ОУ (СД)»
	<ul style="list-style-type: none"> • близости, принадлежности, • ценности, • эмоциональной расположенности, • комфорта 	Шкалы: уверенность – в ментальном <i>Я</i> , – в теле, – в людях, – в мире, – в значимом (как индивидуальной ценности)
Уверенность в <i>Я</i> : в ментальном <i>Я</i> , в теле	Уверенность в не- <i>Я</i> : в людях, в мире, в значимом	

Методики «ОУ (ПМ)», «ОУ (СД)» и составляющие их шкалы соответствуют двум обсуждавшимся уровням ОУ (табл. 3, 5).

Нашла эмпирическую поддержку гипотеза о том, что характеристики уровня ОУ как переживания автономии, отделенности от других людей, мира и связанности с ними и уровня ОУ как переживания бытийных опор коррелируют между собой (табл. 6), смешиваются в факторных структурах: выявлен фактор до вращения (39,8% ДОД), полюсы которого составили все показатели ОУ

обеих методик и показатель онтологической неуверенности (ложное Я) (табл. 7). По данным иерархического факторного анализа, показатели обеих методик образуют общее измерение (вторичный фактор).

О том, что методики диагностируют близкие, но не тождественные аспекты сложного феномена, каким является ОУ, говорят коэффициенты корреляции показателей методик, а также образованные ими в результате факторного анализа с последующим Varimax-вращением самостоятельные факторы. В общей выборке испытуемых отношения онтологической уверенности – неуверенности не лишены противоречий, последние существуют как между измерениями разных уровней ОУ, так и внутри уровней (табл. 7, см. 2 и 3-й факторы до вращения). Таким образом, подтвердилась валидность представленного двухуровневого конструкта онтологической уверенности.

Таблица 6

Взаимосвязи уровней онтологической уверенности: переживания личностью бытийных опор, методика «ОУ (СД)», автономии (отделенности), связанности с миром и людьми, методика «ОУ(ПМ)» (n =250)

Показатели		Онтологическая уверенность (СД)					
		в значимом	в Я	в теле	в людях	в мире	Общий показатель
Онтологическая уверенность (ПМ)	Витальные контакты с миром	0,29***	0,30***	0,29***	0,20	0,37***	0,42***
	Витальные контакты с людьми	0,36***	0,34***	0,27***	0,28***	0,38***	0,47***
	Автономия	0,24***	0,28***	0,29***	0,07	0,18**	0,30***
	Ложное Я	-0,22***	- 0,27***	-0,19**	-0,14*	- 0,25***	-0,30***
	Общий показатель	0,36***	0,39***	0,34***	0,23***	0,39***	0,48***

Примечание (здесь и далее): в таблице коэффициенты корреляции по К. Пирсону при $p < 0,05$ отмечены *, при $p < 0,01$ – **, при $p < 0,001$ – ***.

Особенность переживания личностью автономии, отделенности и в то же время связанности с миром и людьми, диагностируемых методикой «ОУ (ПМ)», заключается в том, что они предполагают (по данным корреляционного анализа), прежде всего, бытийные опоры в собственном Я (ментальном Я и теле), мире и значимом. Возможно, более полно человек переживает автономию и связанность во взаимодействии с миром и тем, что составляет индивидуальную ценность, в том числе с людьми, но значимыми (в качестве индивидуальной ценности 2/3 респондентов называли близкого человека).

Специфика переживания личностью бытийных опор, диагностируемых методикой «ОУ (СД)», заключается в том, что они предполагают не столько автономию, восприятие себя в качестве личности, способной к самостоятельному выбору, сколько переживания связанности с людьми, надежности своего мира, а также в известной мере снижают уровень выраженности «ложного Я», пере-

живаний отчуждения, неподлинности существования. В то же время отчуждение не является абсолютным антагонистом переживания бытийных опор, что может указывать на их разноуровневые основания: здоровые, предполагающие ценности любви и творчества, и/или невротические, базирующиеся на разных видах симбиоза (вторичных узлах, по Э. Фромму).

Таблица 7

Структура уровней онтологической уверенности: переживания личностью основных бытийных опор, методика «ОУ (СД)», автономии (отделенности), связанности с миром и людьми, методика «ОУ (ПМ) (n=250)

Показатели		Факторы до вращения			Факторы после вращения		
		1	2	3	1	2	3
ОУ (СД)	в значимом	-0,644	0,339	0,151	0,406	0,161	0,602
	в Я	-0,645	0,165	0,455	0,103	0,225	0,768
	в теле	-0,630	0,246	0,554	0,083	0,137	0,859
	в людях	-0,472	0,516	-0,535	0,877	0,055	0,056
	в мире	-0,656	0,379	-0,288	0,719	0,228	0,299
	Витальные контакты с миром	-0,702	-0,371	-0,162	0,199	0,769	0,163
ОУ (ПМ)	Витальные контакты с людьми	-0,718	-0,209	-0,204	0,333	0,672	0,196
	Автономия	-0,591	-0,519	0,109	- 0,117	0,745	0,248
	Ложное Я	0,582	0,437	0,176	- 0,113	- 0,738	- 0,059
Собственные числа		3,578	1,254	1,017	1,644	2,293	1,911
Доля объяснимой дисперсии, %		39,8	13,9	11,3	18,3	25,5	21,2

Получены данные, которые могут указывать на взаимодополняющий характер близких по смыслу измерений обсуждаемых уровней ОУ, соответствующих шкалам методик: *витальные контакты с миром* и *уверенность в мире*; *автономия* и *уверенность в собственном Я (в ментальном Я и теле)*; *витальные контакты с людьми* и *уверенность в людях*. Аналогичным образом уверенность в Я (*ментальном Я и теле*), видимо, снижает проявления ложного Я, но не является по своему эмпирическому содержанию его полной противоположностью (соответствующие обратные связи слабые).

В результате кроссвалидации эмпирических конструктов обеих методик обнаружилось сходство связей их общих показателей с рядом возможных родственных эмпирических конструктов и их измерений, а также с вероятными антиподами: наиболее тесные связи с вовлеченностью, как установкой жизнестойкости, со смысложизненной ориентацией «результативность жизни», отсутствие значимых связей с контролем, характеризующим оптимистический атрибутивный стиль, и т.д. Теоретическим основаниям конструкта онтологической уверенности (ontological security) соответствуют тесные связи показателей обеих методик с одноименной (security) ценностью опросника Ш.Шварца, а также ожидаемая, хотя и менее тесная, связь с ценностью универсализма (табл.

8). Эта общая логика связей может свидетельствовать о том, что обсуждаемые методики диагностируют измерения одного феномена.

Таблица 8

Взаимосвязи общих показателей шкал методик «ОУ(СД)» и «ОУ(ПМ)» с измерениями родственных психологических конструктов

Опросники, шкалы. n	ОУ «СД»	ОУ «ПМ»
Оптимистический атрибутивный стиль (n=103)		
общий показатель	0,43***	0,44***
стабильность	0,41***	0,47***
глобальность	0,45***	0,41***
контроль	значимые связи отсутствуют	значимые связи отсутствуют
в межличностных ситуациях	0,47***	0,42***
в ситуации успеха	0,32***	0,40***
в ситуации достижения	0,42***	0,42***
в ситуации неудачи	0,47***	0,35***
Осмысленность жизни (n=103)		
общий показатель	0,55***	0,57***
результативность жизни	0,56***	0,55***
процесс жизни	0,46***	0,47***
цели в жизни	0,40***	0,40***
локус контроля – жизнь	0,47***	0,49***
локус контроля – Я	0,42***	0,38***
Жизнестойкость (n=178)		
общий показатель	0,42***	0,43***
вовлеченность	0,49***	0,55***
контроль	0,31***	0,27***
принятие риска	0,24**	0,23**
Чувство связности (А.Антоновский), n=77.	0,55***	0,54***
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов (n=70)		
безопасности (Security)	0,42***	0,43***
власти (Power)	0,51***	0,43***
универсализма (Universalism)	0,28*	0,26*
Депрессия (n=80)	- 0,51***	- 0,52***
Одиночество (Д. Рассел), n=80.	- 0,52***	- 0,44***

Из двух возможных направлений исследования: дальнейшего изучения двухуровневого эмпирического конструкта ОУ или уточнения характеристик его уровней по отдельности – предпочтение на данном этапе было отдано последнему, а именно, изучению уровня, представленного методикой «ОУ (СД)». Помимо того что мы считаем этот уровень базовым, сложилось так, что соответствующая методика была разработана первой, требовалось обобщение значительного накопленного с ее использованием эмпирического материала. Кроме того, предложенную версию «ОУ (ПМ)» мы рассматриваем как рабочую (предполагается в дальнейшем дополнить количество пунктов, а возможно,

шкал, в частности шкалу «ложное Я», шкалами, характеризующими формы тревоги, которые сопутствуют онтологической неуверенности).

В 4 и 5-й главах эмпирического исследования мы ограничиваемся изучением указанного относительно самостоятельного уровня ОУ, соответственно, под онтологической уверенностью в дальнейшем будет подразумеваться часть эмпирического конструкта, соотносимая с методикой «ОУ (СД)».

В четвертой главе «Характеристики онтологической уверенности, соответствующие уровню неспецифических переживаний основных элементов бытия-в-мире» нашла эмпирическую поддержку гипотеза о том, что ОУ как переживание себя в мире представляет собой целостную достаточно стабильную структуру, соответствующую формуле, с помощью которой Р. Лэйнг описывает соотношение элементов бытия-в-мире «обычного» человека: («я"/тело) ↔ другой. Выявлена факторная структура 54% дисперсии, ядра которой составили показатели *уверенности в ментальном Я* и *теле* (0,762 и 0,761). С более низкими весами в фактор вошли показатели уверенности в том, что составляет *не-Я: в мире, в людях* и *в значимом* как индивидуальной ценности ($n = 540$). Полученная факторная структура неоднократно подтверждалась на различных по объему общих выборках, в том числе в данном исследовании в мужской ($n = 266$) и женской ($n = 267$) подвыборках. Соответственно, со статистической точки зрения она может считаться нормативной (в группах, представляющих разные типы ОУ, нормативная структура ОУ сохраняется не всегда, что согласуется с идеей о различиях в структурировании индивидуального бытия-в-мире).

Виды (аспекты) ОУ, соотносимые с бытийными опорами, имеют особенности. *Уверенность в ментальном Я и теле*, составляющие ядро индивидуального бытия в мире, образуют единство: тесно взаимосвязаны между собой ($r = 0,59$, $p < 0.001$, $n = 540$); составляют ядра фактора в нормативной факторной структуре ОУ; только между этими двумя показателями отсутствуют значимые различия по уровню (согласно данным, полученным с помощью t-критерия для зависимых выборок в общей выборке, в мужской и женской подвыборках), что соответствует тезису о воплощенности как характеристике «обычного» человека. Виды уверенности в том, что составляет *не-Я*, занимающие «периферийное» положение в факторной структуре ОУ, имеют различия. *Уверенность в значимом*, объектом которой является индивидуальная ценность, вероятно, защищается человеком не менее активно, чем собственное Я (занимает ведущее положение в рейтинге видов ОУ), имеет отношение как к аддикции, так и к самотрансценденции. *Уверенность в людях* и *уверенность в мире* в рейтинге показателей занимают последние места, но, в отличие от наименее вариативного показателя *уверенности в значимом*, являются наиболее вариативными, возможно, они составляют «точку роста» онтологической уверенности в целом.

Обнаружены достаточно стабильные общепсихологические типы: *онтологически уверенный*; *онтологически уверенный в себе, значимом и людях*; *онтологически уверенный в себе и значимом*; *относительно онтологически неуверенный с «широким Я»*; *онтологически неуверенный с «узким Я»* (невоплощен-

ный) (рис. 2). Типы характеризуются большей или меньшей широтой оснований ОУ, «конфигурацией» бытийных опор, их дифференцированностью – недифференцированностью, характером компенсации проявлений неуверенности (различаются между собой уровнем общего и частных показателей ОУ, характером их взаимосвязей, структурой, рейтингом частных показателей ОУ, свойственным типом, по данным t-критерия для зависимых выборок). Типы были неоднократно выявлены на различных по объему выборках.

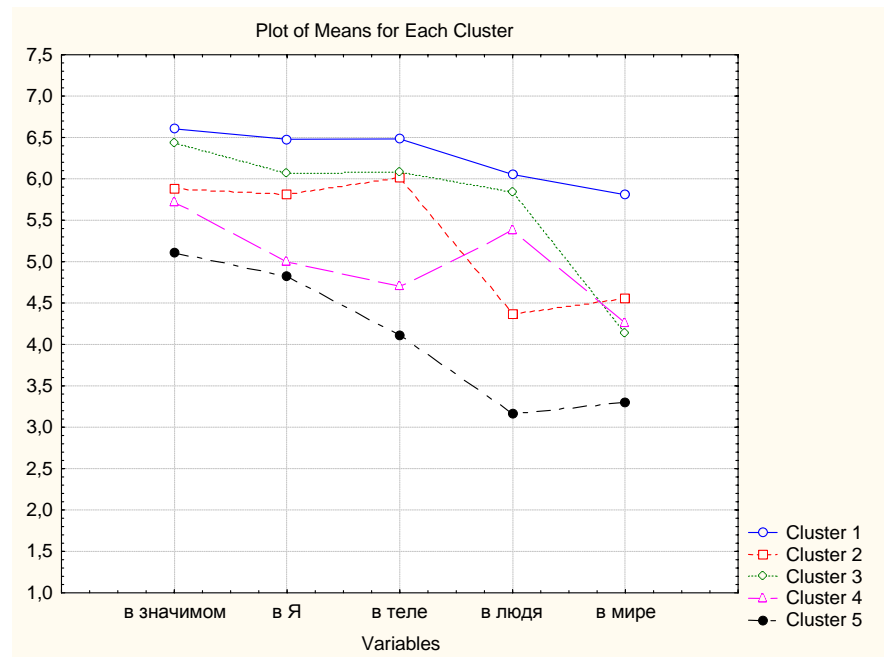

Рис. 2. Кластеры, различающиеся уровнем частных показателей онтологической уверенности

При отсутствии значимых различий ОУ в мужской и женской выборках, выявлены эффекты возраста (в группах, средний возраст которых составляет 19, 24, 34, 44 года) на отдельные измерения ОУ, соответствующие представлениям о временах жизни как важнейших модусах существования. Группы 19- и 24-летних (возраст, на который приходится кризис идентичности) имеют более низкий показатель *уверенности в ментальном Я*, чем категория 34-летних, которая, вероятно, уже преодолела кризис идентичности. В группе 44-летних, подпадающей под более вариативный кризис середины жизни, соответствующий показатель выше только по сравнению с группой 19-летних.

Пятая глава «Кроссвалидизация эмпирического конструкта онтологической уверенности (уровень неспецифических переживаний основных элементов бытия-в-мире)» начинается с обоснования возможных эмпирических коррелятов ОУ и постановки общих гипотез. Степень близости обсуждавшихся во второй главе родственных ОУ понятий психоанализа и экзистенциальной психологии, мера их теоретической разработки и возможность эмпирического тестирования не всегда совпадают. В этой части исследования поставлена задача систематизации эмпирического конструкта ОУ в связи с близкими по смыслу конструктами, представленными соответствующим диагностиче-

ским инструментарием. Глава состоит из относительно самостоятельных исследований, выстроенных в одной логике. В них конструкт методики «ОУ (СД)» сопоставляется с рядом известных экзистенциальных (или тяготеющих к экзистенциальным) эмпирических конструктов.

В экзистенциальной психологии бытие-в-мире рассматривается в координатах времени и пространства, поэтому целесообразно сопоставление конструкта ОУ, соотносимого с бытием-в-мире и его элементами, с конструктами психологического времени и пространства. В нашем исследовании первый представлен методикой «Шкала аттитюдов ко времени» (адаптация К. Муздыбаевым методики Ж. Нюттена) [Муздыбаев К., 2000], а второй – опросником «Суверенность психологического пространства» (СПП) [Нартова-Бочавер, 2008].

Онтологический конструкт уверенности небезынтересно сравнить с конструктом, имеющим отношение не только к пространственно-временным, но и ценностно-смысловым аспектам жизни, её онтологической значимости. Подобный конструкт лежит в основании теста смысложизненных ориентаций (СЖО), являющегося адаптацией теста «Цель в жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика (Purpose-in-Life Test, PIL) [Леонтьев, 1992]. Этот анализ можно рассматривать в качестве эмпирического дополнения предпринятого во второй главе в теоретическом плане сравнения оппозиций «онтологическая уверенность – неуверенность» и «осмысленность жизни – смыслоутрата». Аналогичным образом сравнение понятий «онтологическая уверенность» и «мужество быть» (П. Тиллих) дополняет рассмотрение взаимосвязи жизнестойкости как операционализации последнего (опросник Hardiness Survey, С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказова, 2006) с нашей операционализацией ОУ.

Первое, что приходит на ум в связи с понятием «онтологическая уверенность», – оптимизм, который характеризуется глобальностью с точки зрения житейской психологии (как бодрое и жизнерадостное мироощущение [Ожегов, 1952, с. 409]), а также с научной: оптимизм связывают с оценкой соотношения добра и зла в мире, с умонастроением, акцентирующим положительные аспекты бытия, с соответствующей практической ориентацией в мире [Муздыбаев, 2003, с. 87]. Феномены ОУ и оптимизма объединяет наличие у каждого из них негативного полюса, соответственно, пессимизма и онтологической неуверенности. Для диагностики оптимизма использовался опросник стиля объяснения успехов и неудач для взрослых СТОУН-В Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, В.Ю. Шевяховой, оригинальная русскоязычная версия The Attributional Style Questionnaire, ASQ, К. Петерсона, М. Селигмана, Л. Абрамсон (2009).

Одним из ближайших коррелятов оптимизма исследователи называют счастье [Аргайл, 2003; Селигман, 2006]. Его также можно отнести к наиболее вероятным коррелятам онтологической уверенности, которая в противоположность онтологической неуверенности предполагает способ бытия, связанный с доставлением удовольствия себе, с получением удовольствия от контактов с другими людьми [Лэнг, 1995, с. 37]. В настоящем исследовании конструкт субъективного счастья представлен обновленным Оксфордским опросником счастья (ОИ) [Аргайл, 2003]. В качестве антипода как оптимизма, так и счастья

те же авторы приводят депрессию, что позволяет рассматривать ее и как один из наиболее вероятных антиподов онтологической уверенности. Соответствующий эмпирический конструкт представлен опросником депрессивности А. Бека (Beck Depression Inventory, BDI) [Тарабрина, 2001, с. 182–190].

Центр бытия-в-мире составляет воплощенное Я. К методикам, диагностирующим аспекты Я-образа, характеристики Я, очевидно, небезразличные для онтологической уверенности (переживание, пронизывающее Я-образ, уверенность в себе, мера актуализации самости), можно отнести: опросник самоотношения (ОСО) В.В. Столина [В.В. Столин, 1987]; тест уверенности в себе В.Г. Ромека (2008 а); самоактуализационный тест (САТ) [Гозман, Кроз, Латинская, 1995].

Кроссвалидизация конструкта методики «ОУ (СД)» была бы неполной без его сопоставления с классическими личностными факторами Р. Кэттелла (Sixteen Personality Factor Questionnaire, 16 PF), так как некоторые из них (слабость Эго, сизотимия и др.) прямо связаны с теоретическими основаниями онтологической неуверенности и косвенно – с основаниями ОУ.

Среди приведенных выше конструктов есть более или менее адекватные эмпирические аналоги обсуждавшихся или только упомянутых в 1 и 2-й главах понятий идентичности, Я, Я-концепции, личностных и экзистенциальных характеристик психологического здоровья и благополучия. Кроссвалидизация конструкта ОУ, таким образом, является логическим продолжением систематизации соответствующего понятия во второй главе исследования.

Онтологическая уверенность и ее аспекты в связи с родственными эмпирическими конструктами. В сводной табл. 9 представлены наиболее тесные взаимосвязи общего показателя ОУ с показателями соответствующих диагностических методик⁹. Общий показатель ОУ обнаружил сильные и близкие к сильным (подчеркнуты) положительные связи с *оптимизмом* (оптимистическим атрибутивным стилем), его соразмерными «хронотопическими» аспектами: временным (*стабильность*) и пространственным (*глобальность*); с *установками ко времени* (объединяющими эмоциональное, ценностное отношение ко времени и его личностный контроль), прежде всего, к *прошлому* и *настоящему*, которые как бы продублированы взаимосвязями ОУ с характеристиками осмысленности этих же времен жизни (*результативность, процесс жизни*); с показателем осмысленности жизни, указывающим на ее управляемость (*локус контроля – жизнь*); с характеристикой оптимизма, свидетельствующей о частоте его проявления в *межличностных ситуациях*; а также сильную отрицательную связь с *депрессией*, которую характеризует, по мнению автора применявшейся методики, когнитивная триада: идиосинкразическое отношение пациента к самому себе, собственному будущему и своему текущему опыту (Бек, Раш, Шо, Эмери, 2003, с. 12–13).

⁹ Мы пользуемся критериями Коэна, с помощью которых могут сравниваться коэффициенты корреляции показателей, полученные на разных выборках: корреляция меньше 0.1 – тривиальная, незначительная 0.1 – 0.3 – слабая, 0.3 – 0.5 – умеренная, выше 0.5 – сильная (Cohen, 1988).

Таким образом, онтологическая уверенность как переживание бытийных опор в пространстве существования человека и позитивные темпоральные и пространственные характеристики бытия-в-мире взаимно предполагают друг друга, что соответствует идее хронотопа, представлениям экзистенциальных психологов о Dasein, организующем себя во времени и пространстве (Бинсвангер, 1999, с. 266, 248). Связи ОУ, более тесные с характеристиками прошлого и настоящего, чем будущего, могут означать, что онтологическая уверенность имеет основания скорее в благоприятных событиях прошлого (или более поздней их позитивной реконструкции), в наполненном смыслом прошлом, положительном отношении к настоящему, переживании его онтологической значимости, чем в соответствующей оценке вероятностного будущего. Такого рода хронотопу онтологической уверенности соответствуют: оптимизм в межличностных ситуациях, который можно рассматривать как характеристику *Mitwelt*, модуса существования, стоящего в одном ряду с временными и пространственными измерениями бытия-в-мире¹⁰, оптимистическая атрибуция человеком событий его жизни в целом, убеждение относительно ее управляемости.

Особенности эмпирического содержания ОУ могут быть далее прояснены с помощью показателей, с которыми обнаружены умеренные связи: с общими показателями *осмысленности жизни* и *жизнестойкости*, со *счастьем*, как субъективным феноменом, с интегральным показателем *самоотношения*, с *уверенностью в себе* и *социальной смелостью*, как когнитивным и эмоциональным компонентами уверенности в себе, с частной установкой ко времени, к *будущему*, и с частным показателем осмысленности жизни, характеризующим онтологическую значимость будущего (*цели*); с частными показателями *оптимистического атрибутивного стиля*, конкретизирующими ситуации (*успеха, достижения и неудачи*) его проявления; с частными аспектами экзистенциальных феноменов *осмысленности жизни* (*локусом контроля – Я*) и *жизнестойкости*, а именно, ее аспектом – *вовлеченностью*, который, как отмечалось, по смыслу близок к тому, что Р. Лэйнг подразумевал под воплощенностью; с наиболее «интимными» измерениями самоотношения (*аутосимпатия, самоинтерес*).

Если сильные связи онтологическая уверенность обнаружила с соизмеримыми с ней феноменами, то умеренные связи ОУ выявлены с разнообразными проявлениями психологического благополучия и здоровья: экзистенциального (осмысленность жизни, жизнестойкость), социально-психологического (уверенность в себе) и личностного (самоотношение, счастье) планов. Взаимосвязи с широким спектром подобных проявлений вполне соответствуют природе ОУ как экзистенциального феномена.

Общий показатель ОУ обнаружил только слабые связи с интегральными измерениями *самоактуализации* (как проявлением личностного благополучия, означающим скорее актуализацию самости, самоутверждение, чем самотрансценденцию) и *суверенностью психологического пространства* (характери-

¹⁰ Так, самоопределение индивидуума понимается Л. Бинсвангером как реализующееся во времени, пространстве, *Mitwelt* и *Eigenwelt* [Нидлман, 1999, с. 69].

зующей человека как хозяина и распорядителя этого пространства, но лишь косвенно указывающей на переживание им связей с миром, наличие бытийных опор за пределами приватной зоны).

Таблица 9

Взаимосвязи общего показателя онтологической уверенности с измерениями родственных психологических конструктов

Опросники, шкалы. (n)	ОУ (общий показатель)
Установки ко времени (n =159)	<u>0,61***</u>
к прошлому	<u>0,55***</u>
к настоящему	<u>0,47***</u>
к будущему	<u>0,39***</u>
Оптимистический атрибутивный стиль (n =137)	<u>0,52***</u>
стабильность	<u>0,49***</u>
глобальность	<u>0,45***</u>
в межличностных ситуациях	<u>0,45***</u>
в ситуации успеха	<u>0,43***</u>
в ситуации достижения	<u>0,42***</u>
в ситуации неудачи	<u>0,39***</u>
Депрессия (n =138)	<u>- 0,51***</u>
Осмысленность жизни (n =227)	<u>0,37***</u>
результативность жизни	<u>0,55***</u>
процесс жизни	<u>0,51***</u>
цели в жизни	<u>0,40***</u>
локус контроля – жизнь	<u>0,46***</u>
локус контроля –Я	<u>0,40***</u>
Жизнестойкость (n =224)	<u>0,37***</u>
вовлеченность	<u>0,40***</u>
Счастье (238)	<u>0,37***</u>
Личностные факторы (n =115):	
аффектотимия – сизотимия	<u>0,43***</u>
Самоотношение (n =245)	<u>0,38***</u>
аутосимпатия	<u>0,35***</u>
самоинтерес	<u>0,34***</u>
Уверенность в себе (n =118)	
уверенность в себе	<u>0,38***</u>
социальная смелость	<u>0,36***</u>

Можно отметить еще одну важную особенность ОУ, проявившуюся в ее связях с показателями, из которых не все представлены в табл. 9: с эмоциональным отношением ко времени (0,60 при $p < 0,001$), с аутосимпатией и самоинтересом как наименее рациональными аспектами самоотношения: (0,34; 0,35 при $p < 0,001$), со счастьем, депрессией, аффектотимией и вовлеченностью. Эти связи подтверждают определение ОУ как первичного, «самобоснованного», переживания, акцентируя его эмоциональную составляющую, что соответствует теоретическим подходам к переживанию: «Стихия переживания – это именно стихийное, ассоциативное, неуправляемое движение содержаний соз-

нения, над которыми довлеет эмоциональная логика» (А.Г. Шмелев, 1985, с. 181).

В табл. 10 представлены связи частных аспектов ОУ с родственными эмпирическими конструктами, о которых шла речь.

Уверенность в собственном Я как центре индивидуального бытия (в *ментальном Я и теле*) обнаружила, как и следовало ожидать, более тесные (по сравнению с показателями уверенности в том, что составляет не-Я) положительные связи с феноменами, соотносимыми с субъектностью (*эмоциональным, ценностным отношением ко времени и его личностным контролем*), с Я-образом (*самоотношение*), а также со *счастьем* и *депрессией* (соответственно прямую и обратную связи), которые, в свою очередь, могут указывать на их «индивидуалистическую» природу.

Уверенность в том, что составляет не-Я, в частности, такой показатель, как *уверенность в мире*, имеет более тесные положительные связи (по сравнению с показателями уверенности в собственном Я) с феноменами «бескорыстного» характера, предполагающими самотрансценденцию: с *осмысленностью жизни* и ее измерениями, *жизнестойкостью*, *вовлеченностью* как ее аспектом.

Уверенность в ментальном Я и людях теснее, чем остальные аспекты ОУ (*уверенность в мире, значимом*), связаны с *оптимистическим атрибутивным стилем* и *уверенностью в себе* как когнитивной составляющей одноименного социально-психологического конструкта. При этом *уверенность в теле* оказалась менее тесно, чем *уверенность в ментальном Я*, связана с оптимизмом и практически автономна от уверенности в себе. «Неполнота» бытийной опоры в ядре собственного бытия может указывать на некоторую проблематичность подобных проявлений оптимизма и уверенности в себе. *Уверенность в значимом* как одной из составляющих уверенности в том, что относится к не-Я, имеет наименее тесные, по сравнению с другими показателями ОУ, прямые связи с социально-психологическим феноменом уверенности в себе, оптимизмом, с экзистенциальными проявлениями психологического здоровья (*осмысленностью жизни и жизнестойкостью*), с установками ко времени и наименее тесную обратную связь с депрессией. Это можно объяснить неоднородностью индивидуальных ценностей в качестве бытийных опор, которые могут предполагать, как уже отмечалось, не только самотрансценденцию, но и аддикцию. Этой интерпретации не противоречат более тесные, по сравнению с *уверенностью в мире и людях*, взаимосвязи уверенности в индивидуальной ценности с субъективными проявлениями благополучия самоотношением и счастьем. *Уверенность в людях* имеет более тесную обратную связь с депрессией, чем уверенность в других элементах бытия-в-мире, составляющих не-Я (*уверенность в значимом и мире*), то есть от депрессии спасает скорее более широкий феномен уверенности в людях, чем в индивидуальной ценности.

Таким образом, виды ОУ предполагают различные проявления психологического благополучия: *уверенность в Я* как ядре индивидуального бытия – счастье, позитивное самоотношение, силу Эго, *уверенность в мире* – осмысленность жизни, жизнестойкость. *Уверенность в людях* и *уверенность в значимом* (в индивидуальной ценности) обнаружили достаточно противоречивый ха-

ракти, который может указывать на различные основания этих аспектов уверенности (как зрелые, продуктивные, так и «вторичные» связи с соответствующими элементами бытия-в-мире).

Структуры, образованные аспектами онтологической уверенности и родственными эмпирическими конструктами (по данным факторных анализов). Наиболее близкими к ОУ как переживанию бытийных опор в собственном Я (ментальном Я и теле) и не-Я (в людях, мире, значимом как индивидуальной ценности) являются эмпирические конструкты *установок ко времени, жизнестойкости, осмысленности жизни, оптимизма, счастья, самоотношения, уверенности в себе*, а антиподом – *депрессия*. По данным факторных анализов (до вращения) выявлены мощные смешанные однополюсные факторы, в которые вошли все показатели ОУ и все показатели соответствующих методик, и двухполюсный, в котором противоположный полной структуре ОУ полюс составила депрессия. Вместе с тем, ОУ и перечисленные конструкты являются самостоятельными, по данным факторного анализа с последующим Varimax-вращением факторы по преимуществу составлены показателями отдельных методик.

В целях обобщения данных факторных анализов ОУ с измерениями ее коррелятов можно сравнить полученные в ходе исследования многочисленные смешанные факторные структуры, принимая во внимание состав вошедших в них в качестве подструктур аспектов ОУ. Последние можно классифицировать по основаниям *полноты/неполноты* (представленности всех аспектов ОУ или только некоторых из них), а также по аспектам ОУ, которые занимают в них центральное положение. На этих основаниях можно выделить следующие категории факторных структур:

1. Включающие полные структуры аспектов ОУ (все аспекты уверенности), ядром которых является уверенность в Я как ядре индивидуального бытия (*уверенность в ментальном Я и теле*).

2. Включающие полные структуры аспектов ОУ, ядром которых является уверенность в не-Я (*уверенность в людях, мире, значимом как индивидуальной ценности*).

3. Включающие неполные структуры аспектов ОУ:

– несмешанные, в которые входят аспекты уверенности либо в Я (*ментальном Я и теле*), либо в не-Я (*в людях, мире, значимом*),

– смешанные, в которые входят отдельные аспекты уверенности, как в Я, так и в не-Я,

– включающие отдельные аспекты ОУ.

Полные структуры аспектов ОУ образовали с родственными конструктами смешанные однополюсные факторы, причем те, центр которых составляет уверенность в воплощенном Я как ядре бытия, – преимущественно с личностными (самоотношение, самоактуализация, счастье, депрессия), а те, центр которых составил показатель уверенности в элементах бытия, относящихся к не-Я (в мире, людях), – с социально-психологическими и экзистенциальными проявлениями психологического благополучия (уверенность в себе, оптимизм, жизнестойкость, осмысленность жизни).

Взаимосвязи частных показателей ОУ с измерениями родственных психологических конструктов

Опросники, шкалы, n	Аспекты уверенности				
	Уверенность в ядре индивидуального бытия		Уверенность в не-Я		
	в ментальном Я	в теле	в значимом	в людях	в мире
Установки ко времени (159)	0,55***	0,53***	0,33***	0,45***	0,49***
Оптимистический атрибутивный стиль (137)	0,51***	0,41***	0,21*	0,51***	0,31***
Депрессия Бек (138)	- 0,47***	- 0,55***	- 0,29***	- 0,37***	- 0,25**
Осмысленность жизни (227)	0,26***	0,28***	0,21**	0,25***	0,35***
результативность жизни	0,45***	0,37***	0,30***	0,43***	0,48***
процесс жизни	0,34***	0,35***	0,30***	0,38***	0,47***
Жизнестойкость (224)	0,30***	0,32**	0,11	0,25***	0,36***
вовлеченность	0,30***	0,31***	0,15*	0,32***	0,38***
Счастье (238)	0,35***	0,37***	0,30***	0,20**	0,20**
С (сила Эго – слабость Эго)	0,24**	0,30**	0,24**	0,18	0,18
Самоотношение (245)	0,38***	0,43***	0,29***	0,25***	0,25***
Уверенность в себе (118)	0,36***	0,15	0,21*	0,36***	0,25***

Из неполных структур позитивными по своему смыслу оказались несмешанные, включающие оба компонента ОУ, относящиеся к Я (уверенность в ментальном Я и теле), последние объединяются в них с проявлениями субъектности других конструктов. В неполных структурах, в которых ОУ представлена «осколками» уверенности в элементах Я и не-Я, и структурах, в которые вошел только один из показателей ОУ, обнаружилось противоречие с другими проявлениями психологического благополучия (образовались двухполюсные факторы). В этих структурах, как правило, присутствует показатель уверенности в индивидуальной ценности, неоднозначный характер которой уже отмечался.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

1. Онтологическая уверенность представляет собой общий корень переживаний, соотносимых с положениями в границах общепсихологической части континуума «онтологическая уверенность (воплощенность) – неуверенность (невоплощенность)», способами структурирования бытия.
2. В системе переживаний онтологической уверенности можно выделить два уровня:
 - базовый уровень менее дифференцированных, неспецифических для различных элементов бытия-в-мире переживаний, имеющих ценностный характер (близости, комфорта, эмоциональной расположенности, ценности), восходящих к переживанию собственного Я в единстве с телом; распространяясь на то, что относится к не-Я (мир, люди, значимое как индивидуальная ценность), эти переживания придают бытию-в-мире целостность;
 - уровень более дифференцированных переживаний человеком автономии (отделенности) от людей и мира и одновременно связанности с ними.
3. Уровням ОУ соответствуют методики: «ОУ (СД)», основанная на принципе семантического дифференциала, и психометрическая – «ОУ (ПМ)». На то, что методики диагностируют стороны онтологической уверенности как единого сложного феномена, могут указывать тесные взаимосвязи их общих показателей, а также сходная логика связей с родственными эмпирическими конструктами и антиподами.
4. ОУ в единстве составляющих ее уровней можно определить как переживание человеком целостности своего бытия, причастности к миру, другим людям, единоприродности с ними, переживание бытийных опор в собственном Я и за его пределами, в том, что составляет не-Я, как «ресурсное» чувство, которому противостоит переживание отчужденного ложного Я.
5. Базовый уровень ОУ составляют переживания бытийных опор в собственном Я и за его пределами, имеющие свою специфику. *Уверенность в ментальном Я и теле*, составляющие ядро индивидуального бытия в мире, образуют единство (тесно связаны между собой, составляют ядра фактора в факторной структуре ОУ, между соответствующими показателями отсутствуют зна-

чимые различия по уровню средних значений), что соответствует тезису Р. Лэйнга о воплощенности как характеристике большинства людей. *Уверенность в значимом*, объектом которой является индивидуальная ценность, вероятно, защищается человеком не менее активно, чем собственное Я (занимает ведущее положение в рейтинге). *Уверенность в людях* и *уверенность в мире* в рейтинге показателей уверенности занимают последние места, но, в отличие от наименее вариативного показателя уверенности в значимом, являются наиболее вариативными, возможно, составляют «точку роста» онтологической уверенности в целом. Уверенность в Я соотносится скорее с субъективными, «индивидуалистическими» проявлениями психологического благополучия, уверенность в мире – с «онтологическими», «бескорыстными».

6. Как переживание опор в пространстве бытия ОУ предполагает нормативную структуру (центр которой составляет переживание воплощенного Я), соответствующую формуле: ("я"/тело) ↔ другой.

7. Выявлены достаточно стабильные общепсихологические типы ОУ, характеризующиеся широтой оснований ОУ, «конфигурацией» бытийных опор, их дифференцированностью – недифференцированностью, характером компенсации проявлений неуверенности.

8. Онтологическая уверенность как переживание бытийных опор в пространстве существования человека в первую очередь предполагает позитивные темпоральные и пространственные характеристики бытия-в-мире (параметры оптимизма *стабильность* и *глобальность*, *установки к настоящему и прошлому времени*, характеристики осмысленности этих же времен жизни), обобщенное отношение к действительности, *оптимистическую атрибуцию* человеком событий жизни, убеждение в отношении управляемости жизни в целом. Антиподом ОУ является депрессия, которую характеризует идиосинкразическое отношение к себе, собственному будущему и своему текущему опыту. Тесные прямые связи ОУ с эмоциональным отношением ко времени, аутосимпатией и самоинтересом, как наименее рациональными аспектами самоотношения, со счастьем, вовлеченностью и обратная связь с депрессией соответствуют природе ОУ как первичного, «самобоснованного», переживания. Взаимосвязи ОУ с широким спектром разнообразных феноменов психологического благополучия соответствуют ее глобальному характеру.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Коптева Н.В. Пространство «Я»: теоретическая модель и диагностика [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Российского государственного университета им. И.Канта. Серия «Педагогические и психологические науки». – 2009. – № 5. – С. 51–56 (0,5 п.л.).

2. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность и ее типология (эмпирическое исследование) [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 84–96 (0,65 п.л.).

3. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность как характеристика самосознания [Текст] / Н.В. Коптева // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 2. – С. 393–405 (0,8 п.л.).

4. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность (эмпирическое исследование) [Текст] / Н.В. Коптева // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – № 5 (1). – С. 43–52 (0,65 п.л.).

5. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность и самоотношение. [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – № 5 (56). – С. 110–115 (0,6 п.л.).

6. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность как индикатор смысла [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 5. – С. 130–137 (0,6 п.л.).

7. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность – неуверенность: общепсихологический аспект [Текст] / Н.В. Коптева // Известия Уральского государственного университета. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». – 2010. – № 1 (71). – С. 118–126 (0,6 п.л.).

8. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность и психологическая суверенность [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». – 2010. – № 3. – С. 15–22 (0,7 п.л.).

9. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность как переживание и ее психологическая диагностика [Текст] / Н.В. Коптева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 5(3). – С. 690–697 (0,8 п.л.).

10. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность и самоактуализация [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». – 2011. – № 1 – С. 116–126 (0,9 п.л.).

11. Коптева Н.В. Концепция онтологической неуверенности – уверенности [Текст] / Н.В. Коптева // Развитие личности. Development of Personality. – 2011. – № 1. – С. 48–60 (0,7 п.л.).

12. Коптева Н.В. Понятие онтологической уверенности в феноменологической концепции Р. Лэйнга [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2011. – Выпуск 13. – № 18. – С. 20–27 (0,7 п.л.).

13. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность и уверенность в себе [Текст] / Н.В. Коптева // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Серия "Педагогика и психология". – 2011. – № 5 (40). – С. 174–181 (0,7 п.л.).

14. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность в связи с оптимистическим атрибутивным стилем [Текст] / Н.В. Коптева // Российский научный журнал. – 2012. – № 1 (26). – С. 101–108 (0,6 п.л.).

15. Коптева Н.В. Хронотоп онтологической уверенности [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». – 2012. – № 7 (27). – С. 123–128 (0,7 п.л.).

16. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность и ее антипод – депрессия [Текст] / Н.В. Коптева // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2012. – № 3. – С. 104–113 (0,6 п.л.).

Монографии

17. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность: теоретическая модель и диагностика: монография [Текст] / Н.В. Коптева. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2009. – 158 с. (9,4 п.л.).

18. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность: на основании подхода Р. Лэйнга [Текст] / Н.В. Коптева. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2012. – 458 с. (28,8 п.л.).

Статьи в научных журналах, сборниках

19. Коптева Н.В.. К вопросу о диагностике психического здоровья младших школьников [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Пермского государственного педагогического университета. – Пермь, 2002. – № 1–2. – С. 83–89 (0,4 п.л.).

20. Коптева Н.В. Психологические подходы к самосознанию: переживание «Я» и самопознание [Текст] / Н.В. Коптева. // В.С.Мерлин и системные исследования индивидуальности человека: материалы межрегиональной юбилейной научно-практической конференции. – Пермь, 2005. – С. 142–153 (0,8 п.л.).

21. Коптева Н.В. Я-концепция и самоотношение: ценностная специфика [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Пермского государственного педагогического университета. – Пермь, 2005. – № 2. – С. 30–40 (0,7 п.л.).

22. Коптева Н.В. О двух возможных способах выделения сферы Я [Текст] / Н.В. Коптева // Вестник Пермского государственного педагогического университета. – Пермь, 2006. – № 1. – С. 30–40 (0,9 п.л.).

23. Коптева Н.В. Уровни онтологической уверенности в связи с психологическим здоровьем (на основании концепции Р. Лэйнга) [Текст] / Н.В. Коптева // Национальные приоритеты России. – Омск: Омское отделение Петровской академии наук и искусств; издательский центр «Омский научный вестник». – 2010. – № 1 (3). – С. 51–59 (0,8 п.л.).

24. Коптева Н.В. К кроссвалидации онтологической уверенности [Текст] / Н.В. Коптева // Научный диалог. – 2012. – Вып.11 «Психология». – С. 23–36 (0,6 п.л.).

Материалы конференций, тезисы докладов

25. Коптева Н.В. Самоактуализация личности в ситуации успеха [Текст] / Н.В. Коптева // Материалы IV Всероссийского съезда РПО 18–21 сентября 2007 г. – М.; Ростов н/Д: Кредо, 2007. Т. II. – С. 121–122 (0,07 п.л.).

26. Коптева Н.В. «Пространство Я» (методологические подходы и методика исследования) [Текст] / Н.В. Коптева // Активность – индивидуальность – субъект. XXIII Мерлинские чтения. – 2008. – С. 101–103 (0,25 п.л.).

27. Коптева Н.В. Послушный ребенок (обратная сторона детского послушания) [Текст] / Н.В. Коптева // Психологическая наука и практика – образованию и социальной сфере Прикамья: материалы I Форума психологов Прикамья (Пермь, 14–15 мая 2010 г.). – Пермь: ОТ и ДО, 2010. – С. 20–24 (0,37 п.л.).

28. Коптева Н.В. Миры онтологической уверенности [Текст] / Н.В. Коптева // Социальный мир человека. Вып. 3: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: конструирование и развитие социальных миров» (Ижевск, 24–26 июня 2010 г.). Ч. I: Направления социальной психологии / под ред. Н.И. Леонова. – Ижевск: ERGO, 2010. – С. 290–293 (0,25 п.л.).

29. Коптева Н.В. «Невоплощенность» и ее проявления [Текст] / Н.В. Коптева // «Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе»: материалы II Международной научно-практической конференции (Кострома, 23–25 сентября 2010 г.). В 2 т. Т. I / отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 90–92 (0,23 п.л.).

30. Коптева Н.В. Методика изучения онтологической уверенности (неуверенности) [Текст] / Н.В. Коптева // Социальная компетентность и жизнестойкость личности в многополярном мире: интеграция научного знания. Исследования, практика, образование: материалы II Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 23–25 сентября 2010 г.). – С. 156–160 (0,39 п.л.).

31. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность и жизнестойкость [Текст] / Н.В. Коптева // Ценностные основания психологии и психология ценностей: сборник материалов IV Сибирского психологического форума (Томск, 16–18 июня 2011 г.). – С. 245–248 (0,37 п.л.).

32. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность в связи со здоровым чувством безопасности [Текст] / Н.В. Коптева // XXVI Мерлинские чтения «Психологические инновации в образовании». – Пермь, 2011. – С. 61–64 (0,3 п.л.).

33. Коптева Н.В. Понятие онтологической уверенности Р. Лэйнга и его операционализация [Текст] / Н.В. Коптева // V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество» (Москва, 14–18 февраля 2012 г.). – Научные материалы. Т. III. – С. 306–307 (0,1 п.л.).

Подписано в печать XX.XII.2013
Формат 60x90/16
Усл. печ. л. 2,5
Тираж 100 экз.
Заказ № XXX